LA JOURNÉE DE TRAVAIL

РАБОЧАЯ БИБЛІОТЕКА

Выпускъ восьмой

РАБОЧІЙ ДЕНЬ

ПЕРЕДѢЛКА
СЪ ПОЛЬСКАГО

ИЗДАНІЕ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАГО СОЮЗА

Цѣна 50 сант.

ЖЕНЕВА
Тип. Соціаль-Демократа, route de Lancy, 505

1894

LA JOURNÉE DE TRAVAIL

РАБОЧІЙ ДЕНЬ

ПЕРЕДѢЛКА СЪ ПОЛЬСКАГО

ИЗДАНІЕ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАГО СОЮЗА

Цѣна 50 сант.

ЖЕНЕВА
Типографія „Соціаль-Демократа“, route de Lancy, 505

1894

РАБОЧІЙ ДЕНЬ

I.

Какая выгода фабриканту отъ длиннаго рабочаго дня?

Прежде, во времена крѣпостного права помѣщики жили трудомъ своихъ крѣпостныхъ. Машины тогда только что стали вводиться въ Россіи; не было совсѣмъ почти ни фабрикъ, ни крупной промышленности. Надъ вещью, которую теперь при помощи машины можно сработать въ полчаса, тогда приходилось, при плохихъ орудіяхъ труда (инструментахъ), трудиться по 2-3 дня. Между тѣмъ, баринъ жилъ въ роскоши и содержалъ огромную дворню. Вотъ почему крѣпостному крестьянину и ремесленнику приходилось очень много работать на барина. Но тяжелѣе всего было *безправное положеніе* крестьянина. Если баринъ былъ своенравный, сумасбродный, то могъ дѣлать со своими крѣпостными все, что угодно, издѣваться надъ ними, тиранить, даже убивать. Искать права и защиты было не у кого: крѣпостной *даже по закону* былъ безправенъ. Баринъ могъ распоряжаться своими крѣпостными, какъ рабочимъ скотомъ. Этимъ безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ помѣщики пользовались весьма широко. Удерживать ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ могла только личная выгода; имъ было не выгодно

совсѣмъ замучивать своихъ крѣпостныхъ, какъ не выгодно было убивать свою рабочую скотину.

Такимъ образомъ положеніе крѣпостныхъ было самое безвыходное, безъ просвѣту, безъ надежды когда-либо сбросить съ себя это иго. Да въ то время имъ это и рѣдко приходило въ голову. Живя на необъятномъ пространствѣ русской земли отдѣльными маленькими кучками, они не могли дѣлиться своими думами и горемъ, не могли видѣть, что ихъ сила, если бы они дѣйствовали всѣ сообща, была бы гораздо больше силы всѣхъ помѣщиковъ. Этому помогало еще и то полное невѣжество, въ которомъ умышленно держали помѣщики своихъ крѣпостныхъ.

* * *

Иначе происходитъ дѣло теперь. Мѣсто прежнихъ помѣщиковъ, жившихъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ, заняли фабриканты и землевладѣльцы, берущіе барыши свои съ труда свободныхъ людей. У фабриканта нѣтъ теперь крѣпостныхъ, которые платили бы ему оброкъ и работали бы на него. Но этого ему и не нужно. Рабочій не составляетъ теперь, правда, собственности фабриканта. Законъ не предоставляетъ капиталистамъ права принуждать рабочихъ работать до истощенія, а тѣмъ больше оскорблять и тиранить ихъ. Рабочій по закону совершенно свободенъ и пользуется такими же правами, какъ и фабрикантъ. Но на дѣлѣ между ними существуетъ огромная разница. Рабочій освободился не только отъ крѣпостной зависимости; онъ свободенъ еще въ другомъ смыслѣ, — у него нѣтъ „ни кола, ни двора“, никакой собственности, никакихъ орудій труда, никакихъ средствъ къ работѣ, къ существованію кромѣ своихъ рабочихъ рукъ. Онъ—то, что называется пролетарій, т. е. человѣкъ, живущій продажей своей рабочей силы. Ему не легче отъ того, что машины облегчаютъ трудъ человѣка, увеличиваютъ производительность человѣческаго труда. Что ему отъ того, что теперь въ нѣсколько часовъ на одномъ ткацкомъ станкѣ можно соткать больше, чѣмъ раньше могла соткать цѣлая

семья въ теченіе зимы! Что ему до того, что всѣ магазины переполнены товарами, что склады ломятся подъ ихъ тяжестью! Вѣдь всѣ машины, орудія и средства труда находятся въ рукахъ одного класса, класса фабрикантовъ и капиталистовъ, а въ его распоряженіи однѣ его рабочія руки.

Но рабочему надо же ѣсть, одѣваться — словомъ жить. Вотъ и выходитъ, что не законъ, а нужда заставляетъ рабочаго продавать свой трудъ тому, кто можетъ воспользоваться имъ, кто дастъ ему какія-нибудь средства къ жизни. Капиталистъ, конечно, пользуется безвыходнымъ положеніемъ рабочаго. Онъ знаетъ, что безъ него рабочій не проживетъ, а потому предлагаетъ рабочему самыя тяжелыя условія: самую продолжительную работу и самое низкое вознагражденіе. Рабочій не можетъ не согласиться; голодъ не тетка; съ болью въ сердцѣ и со злобой въ душѣ подчиняется онъ условіямъ фабриканта, лишь бы не умереть съ голода и холода. Такимъ образомъ капиталистъ предписываетъ рабочему какія захочетъ условія. Ему нечего даже заботиться о томъ, чтобы рабочій не умиралъ отъ изнурительной работы, какъ долженъ былъ заботиться о своихъ крѣпостныхъ помѣщикъ. На рынкѣ труда фабрикантъ всегда найдетъ „вольныхъ людей“, которые продадутъ ему свои рабочія руки. И рабочій принужденъ на все согласиться. А гдѣ же его свобода, гдѣ его права? Да право всегда тамъ, гдѣ сила, а сила тамъ, гдѣ средства труда и существованія. Эти средства въ рукахъ класса капиталистовъ и фабрикантовъ — они и сильны; въ ихъ рукахъ и правительство, и законы и власть, а свобода рабочаго толкаетъ его въ ярмо капиталиста или на голодную смерть.

Мы видимъ, что всѣ средства труда и существованія находятся въ рукахъ капиталистовъ и фабрикантовъ. Мы видимъ, что фабрикантъ всюду найдетъ „вольныхъ людей“, которые должны ему продать свой трудъ. Онъ и покупаетъ его, платитъ за него поденно, понедѣльно или помѣсячно, закупаетъ сырой матеріалъ, какъ то: желѣзо, ленъ, шерсть, хлопокъ и т. д., приводитъ въ движеніе свои машины и заставляетъ сво-

ихъ рабочихъ производить товары сразу въ крупныхъ размѣрахъ.

Однако эти товары не идутъ на личное потребленіе фабриканта, да и на что бы ему пригодились огромныя массы сукна или ситца, которыя каждый день производитъ его фабрика?

Одной тысячной части ежедневнаго производства хватило бы на то, чтобы въ теченіе цѣлаго года одѣвать его, его семью и домашнихъ. Товары эти идутъ на продажу. Фабрикантъ производить товары не для того, чтобы самому лично ими пользоваться, но только затѣмъ, чтобы тотчасъ же продать ихъ на рынкѣ и получить за нихъ чистыя деньги. Для него дѣло идетъ не объ удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей въ ситцѣ, а только о барышѣ, о денежной прибыли.

Продавши свой товаръ на рынкѣ, онъ не только вернетъ то, что стоило ему производство этого товара, но возьметъ еще больше. Фабрикантъ знаетъ, что на каждомъ товарѣ, на каждой штукѣ полотна, напр., онъ заработываетъ опредѣленное количество денегъ, знаетъ, что чѣмъ больше товаровъ онъ будетъ имѣть для продажи, тѣмъ больше денегъ онъ „заработаетъ“, а чѣмъ больше его барышъ, тѣмъ скорѣе растетъ его богатство и сила. Чтобы получить больше товаровъ, онъ долженъ заставлять рабочихъ работать дольше, долженъ удлинить рабочій день. Когда помѣщикъ заставлялъ работать на себя своихъ крѣпостныхъ, онъ по неволѣ щадилъ силы послѣднихъ, потому что, истощая ихъ, разоряя своихъ крестьянъ, онъ готовилъ и собственное свое разореніе; кромѣ того, онъ не нуждался въ большихъ массахъ предметовъ, которыхъ ему некуда было сбыть, если онъ самъ не потребляхъ ихъ. Не то фабрикантъ: преслѣдуя одну мысль, мысль о наживѣ, онъ ненасытенъ; онъ готовъ заставлять работать по 24 часа въ сутки, лишь бы трудъ рабочихъ приносилъ большую прибыль, цѣль его самыхъ пламенныхъ желаній.

* * *

Но какимъ образомъ возникаетъ изъ труда рабочаго прибыль фабриканта? Вѣдь рабочій не работаетъ на него даромъ; казалось бы, что трудъ его оплачивается вполнѣ. Но такъ можетъ только казаться, при чемъ фабриканты стараются увѣрить насъ, что прибыль даютъ имъ машины или собственная ихъ бережливость и трудъ!

Разсмотримъ поближе, такъ ли оно въ дѣйствительности.

Чтобы убѣдиться въ ложности такого объясненія, намъ необходимо ознакомиться съ истинами политической экономіи, науки, объясняющей происхожденіе настоящаго общественнаго строя, причину дѣленія современнаго общества на богатыхъ и бѣдныхъ, выясняющей вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ прибыли капиталистовъ и причину нужды и бѣдствій рабочихъ. Безъ этой науки рабочимъ не понять своего положенія и не найти средства выйти изъ него.

Въ современномъ обществѣ всѣ продукты труда являются въ формѣ товаровъ, т. е. полезныхъ для человѣка вещей, произведенныхъ не для собственнаго потребленія самихъ производителей, а на продажу. Всѣ товары имѣютъ стоимость. Эту стоимость создаетъ трудъ. Самые полезные предметы, какъ воздухъ, вода не стоютъ ничего, потому что они достаются человѣку даромъ, безъ всякаго труда. Но даже вода получаетъ стоимость, если на полученіе ея нужно употребить трудъ, какъ это случается, когда ея нѣтъ по близости, и приходится платить или водовозу за ея доставку, или за водопроводъ. Но не всякій трудъ создаетъ „стоимость.“ Если бы какой-нибудь сапожникъ вздумалъ сидѣть надъ парой сапоговъ 2 недѣли, когда ихъ обыкновенно шьютъ въ 2 дня, то онъ получилъ бы за свои сапоги только плату за 2 дня труда.

Возьмемъ другой примѣръ. Положимъ что кустарь въ селѣ Павловѣ затрачиваетъ день труда, чтобы сработать замокъ. Замокъ заключаетъ въ себѣ одинъ день труда Павловскаго кустаря-слесаря, работающаго безъ машины, плохими инструментами. Но вотъ открывается фабрика замковъ, въ которой введены всѣ усовершенствованія послѣдняго времени, гдѣ все изготов-

ляется машинами, при чемъ на выдѣлку замка идетъ только полчаса. Теперь въ замкѣ заключается лишь полчаса труда, и Павловскій кустарь-слесарь получаетъ за свой замокъ, стоившій ему цѣлаго дня труда, цѣну того, который сработанъ въ полчаса времени, то есть получитъ своимость получасовой работы за цѣлый день труда. Слѣдовательно, не всякій трудъ создаетъ стоимость, а только полезный и необходимый трудъ, то есть такой, который необходимъ для производства различныхъ товаровъ лучшими и наиболѣе распространенными орудіями труда.

Но никакая работа не возможна безъ помощи орудій, инструментовъ, матеріаловъ. Орудія эти во время работы портятся, машины изнашиваются, матеріалъ потребляется. Стоимость всѣхъ этихъ предметовъ фабрикантъ переноситъ на новый продуктъ труда. Если, напр., какая-нибудь машина стоитъ 1000 руб. и при ея помощи изготовляется 10,000 предметовъ, то эти 1000 руб. разложатся на 10,000 предметовъ, а на каждый въ отдѣльности придется всего 10 копѣекъ. Когда машина становится негодной къ употребленію, стоимость ея обыкновенно вполнѣ оплачена фабриканту, благодаря тому, что часть ея стоимости переносилась на каждый предметъ, произведенный съ помощію машины. И такъ, мы видимъ, что машины, инструменты, зданія, въ которыхъ работаютъ и т. д. не создаютъ новой стоимости, а только переносятъ свою стоимость на обработываемый матеріалъ. Поэтому въ политической экономіи, — машины, матеріалы, заводы, фабрики и т. д. называются *постояннымъ капиталомъ*. Пока трудъ рабочаго не оживитъ ихъ, они могутъ только разрушаться и портиться, но не приносить прибыли. Но вотъ фабрикантъ покупаетъ товаръ особеннаго рода — рабочую силу, „рабочія руки.“ Этотъ товаръ, дѣйствительно, обладаетъ особеннымъ свойствомъ: онъ переноситъ при своемъ потребленіи свою стоимость на продуктъ труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ новую стоимость.

Каждый часъ труда создаетъ извѣстное количество новой стоимости, а фабриканту именно этого и надо. Положимъ, онъ нанимаетъ рабочаго на 12 часовъ. При

этомъ онъ платитъ ему лишь столько, сколько необходимо, чтобы ему и его семьѣ не умереть съ голоду, напр. 50 коп. Впродолженіе этого двѣнадцатичасоваго рабочаго дня рабочій производитъ новой стоимости въ видѣ товаровъ на 1 рубль. Если бы рабочій работалъ не 12, а только 6 часовъ, то онъ сработалъ бы вдвое меньше, доставилъ бы фабриканту новой стоимости только на 50 коп. Своимъ трудомъ онъ возвратилъ бы фабриканту лишь столько, сколько получилъ отъ него въ формѣ заработной платы. Его трудъ былъ бы оплаченъ вполнѣ, но фабрикантъ остался бы безъ желаемой имъ прибыли, при томъ, что у него было раньше начала производства.

А когда рабочій работаетъ по 12 часовъ въ день, то онъ создаетъ новой стоимости на 1 рубль, а получаетъ отъ фабриканта только 50 коп. за 6 часовъ работы; слѣдовательно, остальные 6 часовъ онъ работаетъ на фабриканта даромъ. *Изъ этого-то неоплаченнаго труда рабочаго и возникаетъ собственно вся прибыль фабриканта.* Понятно, что чѣмъ дольше продолжается этотъ неоплаченный трудъ, тѣмъ больше прибыль фабриканта.

Другими словами: чѣмъ длиннѣе рабочій день каждаго рабочаго, тѣмъ больше растетъ прибыль фабриканта и вмѣстѣ съ тѣмъ его капиталъ и богатство. Намъ теперь ясна причина, заставляющая фабриканта желать удлиненія рабочаго дня.

* * *

Забота о прибыли, предметѣ самыхъ горячихъ желаній капиталиста, заставляетъ его прибѣгать къ самымъ подчасъ низкимъ средствамъ, чтобы только увеличить свой капиталъ. Нѣтъ подлости способной остановить его, если подлость несетъ ему лишніе барыши, лишнюю прибыль Власть въ его рукахъ, къ его услугамъ и мѣстныя власти и полиція, и не встрѣчая на пути препятствій для удовлетворенія своей алчности. фабрикантъ доводитъ эксплуатацію рабочихъ до

небывалыхъ, чудовищныхъ размѣровъ. Онъ ухищряется выискивать самые разнообразные способы удлиненія даровaго труда рабочаго, т. е. удлиненія рабочаго дня.

Не довольствуясь тѣмъ, что заставляетъ рабочаго работать по договору (контракту) 12 или 15 часовъ въ сутки, онъ придумываетъ средства украсть у рабочаго время сверхъ положеннаго: фабрика открывается на нѣсколько минутъ раньше срока, и рабочихъ, явившихся въ указанное время штрафуютъ какъ бы за опозданіе; кромѣ того ихъ задерживаютъ на фабрикѣ дольше условленнаго времени, уменьшаютъ время отдыха, назначеннаго на обѣдъ, заставляютъ работать въ праздники, вводятъ тяжелую и вредную для здоровья ночную работу и т. д. Трудно перечислить всѣ средства и уловки, пускаемыя въ ходъ фабрикантомъ для удлиненія рабочаго дня.

Съ удивительнымъ безстыдствомъ онъ крадетъ у рабочаго часы отдыха, сна, жизни въ домашнемъ кругу; дѣлаетъ это явно, безъ боязни, безъ стыда, такъ какъ чувствуетъ себя господиномъ положенія. Правительство позволяетъ ему эксплуатировать рабочихъ; полиція всегда готова защищать его интересы и подавлять силою всѣ законныя требованія рабочихъ.

Посмотримъ теперь, какова длина рабочаго дня у насъ въ Россіи?

Эксплуатація русскихъ рабочихъ со стороны фабрикантовъ несравненно сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Русскіе рабочіе имѣли меньше возможности, чѣмъ ихъ заграничные товарищи, выяснить себѣ свое положеніе, понять громадное значеніе и необходимость защищать свои интересы, вести упорную и непримиримую борьбу противъ своихъ притѣснителей и ихъ защитниковъ. И потому неудивительно, что русское правительство не торопится положить предѣлъ эксплуа-

таціи рабочихъ, ограничивъ закономъ рабочій день взрослыхъ рабочихъ. Сплошь и рядомъ мы встрѣчаемъ 13-15 часовый день во всѣхъ крупныхъ отрасляхъ промышленности, какъ то на хлопчатобумажныхъ, ткацкихъ фабрикахъ, на свеклосахарныхъ и кирпичныхъ заводахъ и т. д. А когда возростаетъ количество заказовъ, рабочій день возрастаетъ до 16 и болѣе часовъ.

Въ іюлѣ 1893 г. въ Шулѣ (гор. Владимірской губ.) на ткацкихъ фабрикахъ Павлова, Небурчимова и Терентьева произошла стачка, въ которой приняло участіе около 5000 рабочихъ. Они требовали сокращенія рабочаго дня, продолжавшагося здѣсь 17 часовъ, на 3 часа. Это требованіе было тѣмъ болѣе законно, что рабочимъ ежедневно приходилось тратить на ходьбу на фабрику, расположенную далеко отъ ихъ жилищъ, по 2 часа въ день, такъ что изъ сутокъ имъ оставалось на сонъ, отдыхъ не болѣе 5 часовъ! Въ многихъ типографіяхъ, на табачныхъ фабрикахъ, ткацкихъ и другихъ работа продолжается иногда до поздняго вечера и начинается рано утромъ (напр. около 3 часовъ утра на пивоваренныхъ заводахъ). Положеніе нашихъ кустарей и ремесленниковъ еще болѣе ужасно. Да и не удивительно. Что можетъ сдѣлать кустарь или ремесленникъ со своими жалкими инструментами? Фабрикантъ, употребляя машины, можетъ сработать тотъ же товаръ вдвое, втрое дешевле, чѣмъ кустарь или ремесленникъ. За то кустарь не жалѣетъ себя — онъ работаетъ день и ночь, заставляя работать жену и дѣтей, и всетаки не спасается отъ окончательнаго разоренія. Постепенно попадаетъ онъ въ полную кабалу къ скупщику, превращается въ пролетарія.

Возьмемъ для примѣра кустарей сапожниковъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, которые работаютъ по 16 часовъ въ сутки и получаютъ въ недѣлю по 1 р. 70 коп., т. е. меньше 30 копѣекъ въ день!

Съ 1880 г. заработная плата упала вдвое. Въ этомъ уѣздѣ насчитывается 900 семей, которыя находятся въ полной кабалѣ у 20 хозяевъ. Сельскимъ рабочимъ приходится еще тяжелѣе. Сплошь и рядомъ они бываютъ вынуждены работать отъ зари до зари, т. е. по 16-17 часовъ въ сутки за нищенскую плату.

То же можно сказать про всѣ другія отрасли промышленности. Кто не знаетъ, какую непосильную работу приходится выносить русскимъ наборщикамъ, почтово-телеграфнымъ служащимъ, разсыльнымъ и т. д. Работать приходится въ грязныхъ, душныхъ помѣщеніяхъ съ зараженнымъ вредными испареніями и пылью воздухомъ, при страшной жарѣ или на холодѣ и вѣтрѣ.

Такая чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня допускается закономъ, хотя ученые врачи утверждаютъ, что 8 часовъ труда — граница, за которую не долженъ простираться трудъ человѣка, потому что болѣе продолжительный трудъ дѣйствуетъ вредно на его здоровье и силы. Цифры показываютъ, что количество больныхъ, чахоточныхъ, умирающихъ отъ истощенія силъ увеличивается изъ году въ годъ, и жизнь человѣка въ среднемъ дѣлается все короче и короче, силы и ростъ уменьшаются. Новыя поколѣнія выростаютъ все болѣе слабыми и изнуренными.

Все это относится къ рабочему классу. Причину этого вырожденія легко угадать: — это чрезмѣрная эксплуатація рабочаго, чрезмѣрно-продолжительный рабочій день при скудномъ питаніи и худомъ жилищѣ. Заслуживаетъ вниманія также и то, что въ самыхъ вредныхъ для здоровья производствахъ рабочій день бываетъ особенно длиненъ. Такъ напр., во всѣхъ ткацкихъ мастерскихъ и фабрикахъ приходится работать при высокой температурѣ, въ согнутомъ положеніи, въ помѣщеніяхъ, наполненныхъ пылью, надавливая грудью на станокъ при ручномъ тканьѣ. Все это вызываетъ среди ткачей воспаленія легкихъ, чахотку, ревматизмы и множество другихъ болѣзней.

Больше всего ткачей умираетъ отъ чахотки въ возрастѣ отъ 20-25 лѣтъ, женщинъ-ткачей отъ 15-20 лѣтъ. На каждыхъ 170 ткачей приходится 22 чахоточныхъ, а 70 страдаетъ хроническимъ кашлемъ, катарромъ и воспаленіемъ легкихъ.

Рабочій день ткачей, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, составляетъ обыкновенно 13-14 часовъ; если бы онъ былъ ограниченъ до 8 часовъ, то болѣзни и смертность ткачей уменьшились бы на половину.

Случается однако часто, что и 13-14 часовый рабочій день для фабриканта еще малъ; въ прядильняхъ, на ткацкихъ фабрикахъ мы встрѣчаемъ даже 16-17 часовой рабочій день. Стоитъ только вспомнить фабрики Павлова, Небурчимова и Терентьева, Тезинскую мануфактуру и много другихъ, на которыхъ работаютъ по 17 часовъ. Но фабриканты, кромѣ этой чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня, прибѣгаютъ еще къ массѣ уловокъ, чтобы вытянуть изъ рабочаго все, что только могутъ. Напр. на фабрикѣ Куницера въ Вязевѣ начинаютъ работу утромъ и въ полдень на 10 минутъ раньше, чѣмъ слѣдовало бы, подъ предлогомъ, что машина требуетъ столько времени для полученія нормальнаго движенія. Но этимъ дѣло не кончается; если машина въ теченіи рабочаго дня случайно остановилась, потерянное время наверстываютъ, заставляя рабочихъ работать сверхъ срока.

Сокращеніе времени, назначеннаго на обѣдъ рабочимъ, точно также у насъ въ ходу. Мы знаемъ одну фабрику въ Лодзи, которая даетъ своимъ рабочимъ только 10 минутъ на обѣдъ.

Очень часто однако алчность фабриканта заходитъ еще дальше; ему мало дня, онъ вводитъ ночную работу и дѣлитъ рабочихъ на смѣны.

Вотъ каково напр. распредѣленіе этихъ смѣнъ на одной суконной фабрикѣ. Дневные рабочіе работаютъ съ 4-хъ часовъ утра до 8-ми вечера, съ получасовымъ перерывомъ на завтракъ въ 6 часовъ утра и съ получасовымъ перерывомъ на обѣдъ въ полдень. Ночные рабочіе работаютъ съ 8 часовъ вечера до 4-хъ часовъ утра, потомъ идутъ спать, но въ 8 часовъ утра снова становятся на работу, чтобы на полъ часа смѣнить дневныхъ рабочихъ, завтракающихъ въ это время; въ 8 съ половиною часовъ они снова идутъ спать, чтобы въ полдень снова стать на полчаса на работу на мѣсто дневныхъ рабочихъ, въ это время обѣдающихъ.

Или напр. въ булочныхъ встрѣчается слѣдующее распредѣленіе работъ: дневные рабочіе съ 9-ти часовъ утра до 10-ти мѣсятъ тѣсто, отъ 10 утра до 2-хъ пополудни спятъ, отъ 2 пополудни до 8 часовъ вечера

приготовляютъ и пекутъ тѣсто. Ночные начинаютъ работать въ 8 часовъ до 10 часовъ вечера, потомъ спятъ до 11 часовъ ночи, затѣмъ снова работаютъ до 5 часовъ утра, послѣ чего спятъ до 9 часовъ утра. Кромѣ этихъ фактовъ, показывающихъ намъ, какъ фабриканты стараются отнять у рабочаго всякій свободный часъ времени, мы знаемъ еще и такіе, когда фабриканты отнимаютъ у рабочихъ ихъ единственные дни полнаго отдыха — дни праздничные.

Есть очень много предпріятій, въ которыхъ рабочіе не имѣютъ ни воскресеній, ни праздниковъ, свободныхъ отъ работъ. На многихъ заводахъ и фабрикахъ празднуютъ только 2-3 дня въ году. Такъ, напр,, на уксусномъ заводѣ Скалинскаго празднуютъ всего два дня въ году: первый день Рождества и первый день Пасхи. Большая писчебумажная фабрика въ окрестностяхъ Варшавы стоитъ только 4 дня въ году: на Рождество, на новый годъ, на Пасху и въ Троицынъ день. Такихъ примѣровъ можно было бы привести массу. Рабочіе другихъ фабрикъ обыкновенно имѣютъ въ теченіе года 79 дней свободныхъ отъ работы (воскресеній и праздниковъ). Въ Англіи у рабочихъ въ теченіи года 86 свободныхъ дней. Часто, однако, случается, что въ тѣхъ фабрикахъ, гдѣ отыкновенно празднуются воскресенія и праздники, въ случаяхъ экстренныхъ заказовъ рабочихъ заставляютъ работать и въ праздники. Такъ напр., въ 1889 году, въ прядильнѣ Бриггса и Поссальта въ Маркахъ были получены въ мартѣ большіе, срочные заказы; фабриканты объявили рабочимъ, что бы они, вопреки прежнему обычаю, пришли на работу въ чистый четвергъ и пятницу. При этомъ они прибавили, что кто не придетъ на работу, будетъ выгнанъ съ фабрики и сверхъ того оштрафованъ по 1 рублю за каждый пропущенный день. Не смотря на это, большинство рабочихъ не явилось на работу. Фабриканты сдержали свое слово и удалили очень многихъ рабочихъ, удержавъ по 2 рубля изъ заработка. Надо сказать, что средній заработокъ на этой фабрикѣ составляетъ 3 р. 50 коп. въ недѣлю.

При помощи такихъ то средствъ фабриканты отни-

мають у рабочихъ послѣдній свободный часъ, зная, что каждый отнятый у рабочаго часъ отдыха, превращается для нихъ въ деньги.

До сихъ поръ мы говорили только объ одной выгодѣ, которую фабрикантъ извлекаетъ изъ длиннаго рабочаго дня, именно о томъ, что прибыль его увеличивается отъ удлиненія дароваго труда рабочихъ.

Однако фабрикантъ выигрываетъ еще отъ кое-чего другого.

Длинный рабочій день позволяетъ ему понижать заработную плату рабочихъ.

Происходитъ это такимъ образомъ: фабриканту нужно напр. ежедневно изготовлять 100 аршинъ полотна; у него работаетъ 10 рабочихъ по 8 часовъ; на производство 100 аршинъ полотна требуется, значитъ, 80 часовъ. Если же фабрикантъ принудитъ своихъ рабочихъ работать не 8, а 16 часовъ ежедневно, то въ его распоряженіи оказалось бы ежедневно 160 рабочихъ часовъ; а такъ какъ ему нужно произвести только 100 аршинъ полотна, на изготовленіе которыхъ необходимо употребить 80 часовъ работы, то другіе 80 часовъ будутъ для него лишними. Поэтому фабрикантъ уволитъ 5 рабочихъ и оставитъ только 5 рабочихъ, которые, работая по 16 часовъ ежедневно, доставятъ ему тѣ же 80 часовъ труда и произведутъ тѣ же 100 аршинъ полотна. И такъ, въ то время, какъ при 8-часовомъ рабочемъ днѣ фабриканту требовалось для производства 100 аршинъ полотна 10 рабочихъ, при 16-часовомъ рабочемъ днѣ для производства того же количества ему потребуется всего только 5 рабочихъ. Фабрикантъ, удливши рабочій день, можетъ уволить многихъ рабочихъ, которые ему уже болѣе не нужны.

Такъ въ дѣйствительности и происходитъ. Продолжительный рабочій день позволяетъ фабрикантамъ обходиться меньшимъ числомъ рабочихъ. Поэтому всегда есть

масса „безработныхъ“, ищущихъ мѣста рабочихъ. Но несчастіе рабочаго служитъ источникомъ прибыли для капиталиста. Онъ не только хладнокровно смотритъ на голодъ, нищету, отчаяніе массы безработныхъ семей,— онъ даже радуется тому, что безвыходное положеніе рабочихъ позволяетъ ему уменьшить ихъ заработную плату. Въ случаѣ ихъ сопротивленія всегда найдется достаточно другихъ, которые согласятся работать у него за пониженную плату.

Такихъ остающихся безъ заработка рабочихъ приходится въ западной Европѣ даже въ годы хорошаго производства обыкновенно 10 на 100; во время застоя въ дѣлахъ, такъ называемыхъ кризисовъ, число ихъ значительно увеличивается.

У насъ въ Россіи неизвѣстно точно число безработныхъ, но оно должно быть громадно. Стоитъ только подумать, сколько крестьянъ ежегодно разоряется чрезмѣрными податями, отнимающими у нихъ почти весь добытый ихъ тяжелымъ трудомъ хлѣбъ, послѣдніе гроши заработанные въ отхожихъ промыслахъ. Одинъ писатель высчитываетъ, что въ Россіи на 35,712,000 всѣхъ способныхъ къ труду русскихъ рабочихъ (включая сюда и сельское населеніе) приходится громадное число: 5,557,000 человѣкъ, остающихся безъ заработка, въ ужасной нищетѣ, образующихъ въ городахъ такъ называемую „босую команду“. Очень многіе изъ этихъ рабочихъ нашли бы себѣ работу, если бы рабочій день былъ сокращенъ.

Эта масса людей, остающихся безъ средствъ къ жизни, готовая по первому призыву капиталиста стать на работу, хотя бы на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, позволяетъ ему презирать требованія рабочихъ и не только упорно отказываться отъ всякихъ уступокъ, но даже понижать заработную плату, которую онъ давалъ раньше рабочимъ.

Такимъ образомъ длинный рабочій день понижаетъ заработную плату рабочихъ.

Это служитъ вторымъ источникомъ прибыли фабриканта.

* * *

Но и этимъ дѣло еще не кончается.

Вернувшись домой послѣ долгой работы, рабочій едва находитъ время поужинать и выспаться. На чтеніе, разговоры съ товарищами, на отдыхъ онъ совсѣмъ не имѣетъ времени. Кромѣ того, продолжительная работа на фабрикѣ изнуряетъ тѣло и умъ рабочаго, принижаетъ его, одуряетъ, — такъ что, если бы даже онъ и захотѣлъ урвать отъ сна пару часовъ на чтеніе или бесѣды и обсужденіе со своими товарищами-рабочими общихъ дѣлъ и нуждъ, то чтеніе и размышленіе не всегда пошло бы на ладъ. Однимъ словомъ, работая долго нафабрикѣ, рабочій не можетъ найти времени на свое образованіе, развитіе своего ума, обсужденіе своего положенія; способности его тупѣютъ, хорошія стремленія и чувства его пропадаютъ даромъ.

Фабриканту это очень на руку! Онъ хотѣлъ бы всѣхъ рабочихъ превратить въ рабочій скотъ, молчаливый и покорный; онъ хотѣлъ бы, чтобы рабочіе позволяли себя эксплуатировать до крайнихъ предѣловъ, не сопротивляясь, даже не жалуясь.

Умственное развитіе рабочихъ, ихъ объединеніе наводятъ на капиталиста страхъ, такъ какъ онъ сознаетъ, что если рабочіе ясно поймутъ свое положеніе, узнаютъ, какъ изъ него выйти, то не позволятъ болѣе эксплуатировать себя, но потребуютъ со своей стороны признанія за ними человѣческихъ правъ.

Длинный рабочій день мѣшаетъ рабочимъ развиваться, заниматься своими дѣлами, а полное невѣжество рабочихъ, истощеніе тѣла и умственныхъ способностей обезпечиваетъ фабрикантамъ покой и дальнѣйшее господство.

Это служитъ третьимъ источникомъ выгоды фабриканта.

II.

Какой вредъ приноситъ рабочему длинный рабочій день?

Все то, что фабрикантъ выигрываетъ отъ длиннаго рабочаго дня, рабочему приноситъ вредъ. Онъ теряетъ прежде всего здоровье и силу.

Мы уже видѣли, что 12-ти, 15-ти, даже 16-ти часовый трудъ практикуется сплошь и рядомъ на нашихъ фабрикахъ. Но такой продолжительный трудъ дѣйствуетъ убійственно на человѣка. Болѣзни, быстрое истощеніе силъ, преждевременная старость и смерть — вотъ слѣдствія, которыя влечетъ за собой длинный рабочій день.

Достаточно просмотрѣть оффиціальные медицинскіе отчеты, чтобы увидѣть, какой высокій процентъ болѣетъ и умираетъ въ тѣхъ фабрикахъ, гдѣ рабочій день продолжается долго, какъ напр. на ткацкихъ фабрикахъ. Въ то время какъ на тысячу всѣхъ классовъ населенія ежегодно умираетъ 22 человѣка, рабочихъ умираетъ 36 на тысячу, т. е. на каждую тысячу 14 человѣками больше. У насъ существуютъ законы, строго наказывающіе за убійство человѣка. Когда же фабрикантъ на своей фабрикѣ доводитъ ежегодно до смерти массу дѣтей и взрослыхъ, его никто не обвиняетъ; напротивъ, онъ пользуется общимъ уваженіемъ и почетомъ. Кромѣ того длинный рабочій день, истощая силы рабочаго, ослабляетъ его вниманіе, дѣлаетъ его сонливымъ и неповоротливымъ. Рабочій легко попадаетъ подъ какую-нибудь опасную часть машины, которая превращаетъ его въ калѣку. Не надо забывать, что несчастные случаи съ рабочими на фабрикахъ совсѣмъ

не рѣдкость, напр. въ одной Россіи ежегодно бываетъ до 9 1/2 тысячъ искалѣченныхъ и убитыхъ машинами рабочихъ.

Только въ 8-ми часовой рабочій день можетъ разсматриваться, какъ нормальная, здоровая продолжительность труда.

Удлиненіе рабочаго дня, доставляя фабриканту прибыль, у рабочаго ускоряетъ уничтоженіе его рабочей силы, единственнаго его богатства.

Рабочій смотритъ на свою рабочую силу, какъ на товаръ, который онъ продаетъ фабриканту, получая отъ него взамѣнъ средства для существованія. Если бы рабочій не былъ изнуряемъ слишкомъ длиннымъ рабочимъ днемъ, если бы онъ работалъ умѣренно, то его рабочая сила могла бы сохраниться до старости. Но фабрикантъ, заставляя рабочаго работать по 14 или 16 часовъ въ день, потребляетъ эту рабочую силу гораздо скорѣе, другими словами, — онъ превращаетъ рабочаго въ инвалида, крадетъ у него его единственный товаръ — его рабочую силу. Потерявъ свое здоровье и силы вслѣдствіе длиннаго рабочаго дня, рабочій дѣлается жертвой самой страшной нищеты.

* * *

Пользуясь длиннымъ рабочимъ днемъ, фабрикантъ крадетъ у рабочаго не только его рабочую силу, но также и его свободу, отдыхъ и время, которое рабочій могъ бы посвятить своимъ собственнымъ дѣламъ. Рабочій тратитъ все свое время на увеличеніе прибыли капиталиста, сонъ и работа, — вотъ вся его жизнь. Онъ самъ превращается въ придатокъ къ машинѣ, въ винтикъ, который зависитъ отъ машины; не онъ управляетъ машиной, а машина имъ. Какъ только онъ переступилъ порогъ фабрики, онъ долженъ перестать думать, а долженъ только смотрѣть за ходомъ машины и слушаться ея. Онъ дѣлается рабомъ фабриканта и всю свою жизнь посвящаетъ на производство богатствъ для послѣдняго, на увеличеніе капитала, и все это за

ничтожную плату, которая едва не позволяетъ ему не умереть съ голода. Прежде существовавшее рабство, когда одни люди были собственностью другихъ, снова повторяется теперь, благодаря эксплуатаціи, которой подвергается рабочій классъ со стороны капиталистовъ.

Продолжительный рабочій день, истощая рабочаго, отнимая у него послѣднюю свободную минуту, задерживаетъ его умственное развитіе, затрудняетъ ему борьбу за свои права и тѣмъ самымъ отдаляетъ часъ освобожденія рабочихъ изъ подъ ига эксплуатаціи.

Вотъ другая потеря, которой подвергается рабочій вслѣдствіе длиннаго рабочаго дня.

* * *

Истощая и притупляя тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ, длинный рабочій день еще тяжелѣе отзывается на тѣхъ, которые не нашли себѣ работы. Этихъ рабочихъ онъ совсѣмъ лишаетъ возможности найти себѣ заработокъ. Заведя длинный рабочій день, фабрикантъ нуждается уже въ меньшемъ числѣ рабочихъ; гдѣ на фабрикѣ при 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ могли бы найти работу 100 человѣкъ, такъ при 16-ти часовомъ рабочемъ днѣ ихъ потребуется всего только 50 человѣкъ.

Поэтому, даже во время наибольшаго оживленія производства, существуютъ цѣлыя массы людей, не могущихъ найти себѣ заработка, и осужденныхъ вслѣдствіе этого на медленную голодную смерть.

Итакъ, длинный рабочій день осуждаетъ сотни тысячъ рабочихъ на бездѣлье, бродяжничество, на мученія нищеты и голода. Однихъ рабочихъ истощаетъ чрезмѣрно продолжительная и изнурительная работа, другіе же лишаются всякихъ средствъ къ жизни. Оставшіеся безъ работы рабочіе всюду добиваются работы. Они нанимаются за ничтожнѣйшую заработную плату, лишь бы не умереть съ голода, и этимъ понижаютъ заработную плату тѣхъ, которые работаютъ на фабрикахъ.

Вотъ почему низкая заработная плата есть также слѣдствіе длиннаго рабочаго дня.

Вотъ что теряютъ рабочіе вслѣдствіе длиннаго рабочаго дня.

* * *

Еще одно бѣдствіе влечетъ за собой для рабочаго класса длинный рабочій день; именно онъ влечетъ за собою кризисы, называемые также застоемъ въ производствѣ. Ненасытный въ прибыли фабрикантъ готовъ сдѣльат все, что угодно, лишь бы произвести и продать больше товаровъ.

Когда онъ видитъ, что спросъ на его товары великъ, онъ удлиняетъ рабочій день до крайнихъ предѣловъ, не уменьшая числа рабочихъ, чтобы произвести какъ можно больше товаровъ. Но онъ поступаетъ такъ не одинъ: всѣ фабриканты стараются воспользоваться хорошимъ моментомъ и производятъ напропалую.

Часто, однако, они ошибаются въ своихъ разсчетахъ: въ своей горячности они производятъ больше, чѣмъ въ дѣйствительности нужно, больше, чѣмъ могутъ продать. Тогда огромныя массы товаровъ лежатъ на рынкѣ, не находя себѣ покупателей, а фабрикантъ, подъ страхомъ банкротства, долженъ на время сократить или даже совсѣмъ прекратить свое производство. Тогда-то и наступаетъ кризисъ: товары лежатъ цѣлыми горами, а рядомъ тысячи рабочихъ выбрасываются на мостовую, наступаетъ время ужасной нищеты, голода, дѣти мрутъ сотнями, дѣвушки принуждены продавать свое тѣло для избавленія себя отъ голодной смерти; голодный тифъ убиваетъ тогда множество самыхъ здоровыхъ рабочихъ.

Такіе кризисы повторяются чуть не черезъ каждые пять или шесть лѣтъ. Они являются неминуемымъ, необходимымъ слѣдствіемъ нынѣшняго общественнаго строя, слѣдствіемъ длиннаго рабочаго дня и погони фабрикантовъ за прибылью. Избѣжать ихъ возможно будетъ только тогда, когда перестанутъ существовать нынѣшнія общественныя отношенія, когда капиталы

(орудія производства — фабрики, заводы, машины, земля и т. д.) не будутъ исключительно частною собственностью фабрикантовъ, а перейдутъ въ руки всѣхъ трудящихся.

Однако же и теперь *значительное сокращеніе рабочаго дня на фабрикахъ могло бы повести, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, къ уменьшенію вреда отъ кризисовъ.*

Если бы фабрикантъ не могъ по своему произволу удлинять рабочій день, то отъ не могъ бы также увеличивать производство, потому что ему пришлось бы тогда увеличить число рабочихъ, что повлекло бы за собою значительныя издержки: большій расходъ на заработную плату, расходъ на покупку новыхъ орудій, машинъ, на расширеніе мастерскихъ и т. д.

Въ виду этихъ новыхъ расходовъ фабрикантъ побоялся бы рисковать, сталъ бы осторожнѣе разширять производство, и кризисы вызывались бы не такъ легко.

* * *

Итакъ, если мы вспомнимъ сказанное до сихъ поръ, то увидимъ ясно, что интересы фабрикантовъ совершенно противуположны интересамъ рабочаго класса, и что помирить ихъ нѣтъ никакой возможности.

Что приноситъ фабрикантамъ длинный рабочій день?

Онъ приноситъ имъ большіе денежные доходы, вслѣдствіе удлиненія дароваго труда рабочаго и пониженія его заработной платы.

Онъ приноситъ имъ спокойствіе и обезпечиваетъ имъ дальнѣйшее господство надъ рабочими, потому что лишаетъ рабочаго свободнаго времени, затрудняетъ его умственное развитіе и не позволяетъ рабочему энергично заниматься своими собственными дѣлами, дѣлами рабочаго класса.

Что приноситъ рабочему длинный рабочій день?

Онъ вызываетъ разстройство здоровья и упадокъ силъ рабочаго, старость и преждевременную смерть.

Онъ влечетъ за собою нищету и голодъ, такъ какъ понижаетъ заработную плату однихъ, а другихъ совсѣмъ выбрасываетъ изъ фабрикъ и мастерскихъ.

Наконецъ, онъ влечетъ за собою приниженность, забитость рабочихъ, превращаетъ ихъ въ простую машину, въ рабочій скотъ, въ невольниковъ фабриканта; затрудняетъ имъ борьбу за свое освобожденіе, такъ какъ отупляетъ рабочаго и отнимаетъ у него всю его жизнь.

Однимъ словомъ, длинный рабочій день, будучи для фабриканта неисчерпаемымъ источникомъ роскоши и богатства, силы и могущества, для рабочаго дѣлается вампиромъ, высасывающимъ его жизнь, становится для него цѣпью, сковывающею его тѣло и душу.

Фабриканты поняли это, но поняли и рабочіе.

И вотъ почти уже 100 лѣтъ во всей Европѣ и Америкѣ тянется упорная безостановочная борьба за рабочій день, борьба рабочаго класса съ классомъ фабрикантовъ, капиталистовъ. Фабриканты стараются удержать длинный рабочій день, рабочіе же добиваются, какъ мы увидимъ ниже, во всѣхъ странахъ, гдѣ они проснулись отъ вѣковаго сна, *короткаго, нормальнаго восьми-часоваго дня.*

Эта вѣковая борьба принесла рабочимъ уже много побѣдъ и окончится торжествомъ рабочаго класса надъ классомъ капиталистовъ. Даромъ ничто не дается, только борьбой добиваются уступки у сильныхъ.

Борьба эта началась сперва отдѣльными бунтами и вспышками, которые правительство подавляло штыками и казнями.

Много сильныхъ духомъ рабочихъ гибло за своихъ товарищей, но память о нихъ оставалась, и скоро борьба закипала снова.

Капиталистическое производство во всѣхъ странахъ производитъ тѣ же самыя перемѣны. Мелкое производство — ремесла, кустарное производство, крестьянское хозяйство исчезаютъ, потому что трудъ въ нихъ не такъ успѣшенъ, какъ въ крупной промышленности и помѣщичьемъ хозяйствѣ съ машинами. Все больше и

больше крестьянъ [1]), кустарей, ремесленниковъ теряютъ собственность и становятся въ ряды пролетаріата, осужденнаго на нужду и голодъ. Все меньшая горсть людей соединяетъ въ своихъ рукахъ богатство и орудія труда. Безграничная эксплуатація и гнетъ капиталистовъ побуждаютъ рабочихъ къ борьбѣ.

Пока промышленность была развита мало, рабочіе держались врознь и не понимали еще общности своихъ интересовъ. Они только чувствовали, что мастера и фабриканты эксплуатируютъ ихъ, удлиняютъ рабочій день и мошенничаютъ при разсчетахъ. Они боролись и бунтовали противъ этого, но дѣлали это въ каждомъ мѣстѣ отдѣльно, безъ плана и безъ организаціи (союза). Такая борьба не могла принять значительныхъ размѣровъ, она выражалась только въ безпорядочныхъ бунтахъ, въ разбиваніи машинъ, нападеніяхъ на мастеровъ и, въ лучшемъ случаѣ, въ стачкахъ.

Эти отдѣльныя вспышки, недовольства походили на отдаленные раскаты грома передъ бурей. Они свидѣтельствовали о растущемъ недовольствѣ среди пролетаріата.

Всѣ промышленныя страны пережили такое время зачаточной борьбы пролетаріата.

Англія въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, Франція въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Германія въ 40-хъ, Польша въ 70-хъ, Бельгія въ 80-хъ годахъ. Теперь такія вспышки мы видимъ въ Россіи.

Но постепенно экономическое развитіе увеличило число промышленныхъ округовъ и соединило ихъ между собою при помощи желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей. Сблизивши взаимно различные фабричные города, эко-

---

[1]) Въ настоящее время въ Россіи уже четвертая часть всѣхъ крестьянъ не имѣетъ ни скота, ни орудій, и не можетъ обрабатывать землю. Эти крестьяне уже и теперь безземельные батраки и пролетаріи. Виноваты въ этомъ обезземеливаніи не только помѣщики и фабриканты, но и правительство, которое всегда дѣйствуетъ заодно съ богачами и немилосердно грабитъ народъ въ ихъ пользу. Доказано, что съ крестьянъ правительство беретъ больше, чѣмъ имъ приноситъ земля. Что же мудренаго, что народъ все больше и больше разоряется?

номическое развитіе соединило и рабочихъ между собою. Сталкиваясь все чаще и чаще, соединяясь въ большихъ фабричныхъ мѣстностяхъ, рабочіе прежде всего убѣдились, что ихъ соединяютъ общая судьба и общіе интересы, что всѣ они находятся подъ одинаковымъ гнетомъ капитала, и что этому надо положить конецъ. Такимъ образомъ между рабочими возникло классовое сознаніе, т. е. сознаніе общности интересовъ всѣхъ рабочихъ, какъ класса людей, лишенныхъ всякой собственности и одинаково страдающихъ подъ ярмомъ капитала. Благодаря этому, борьба рабочихъ съ эксплуатаціей и нуждой дѣлалась все обширнѣе. Вмѣсто безпорядочныхъ вспышекъ отчаянія и ненависти мы видимъ все чаще и чаще спокойныя стачки. Рабочіе почувствовали необходимость постоянныхъ союзовъ (организаціи). Сначала они добивались только прямыхъ выгодъ — какъ то повышенія заработной платы, сокращенія рабочаго дня и т. д. Они образовывали заводскіе союзы, кассы для помощи во время стачекъ и т. д. Въ такомъ состояніи рабочее движеніе было почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ еще лѣтъ 35 тому назадъ. Однако чѣмъ чаще и дружнѣе рабочіе выступали на борьбу, тѣмъ больше они приходили къ сознанію, что не могутъ ограничиться только борьбой съ отдѣльными капиталистами, что они должны бороться и съ правительствомъ за свои права. Они, наконецъ, убѣдились, что должны бороться не только съ каждымъ фабрикантомъ и съ каждой отдѣльной несправедливостью, но и со всѣмъ капиталистическимъ строемъ. Постепенно образовались организаціи, которыя старались придать единство и правильность отдѣльнымъ дѣйствіямъ рабочихъ, всюду рабочіе стали противупоставлять себя правительству и капиталистамъ, какъ одинъ классъ. Такъ возникли *политическія рабочія партіи* подъ знаменемъ соціализма. Въ Германіи существуетъ такая партія уже лѣтъ 30, во Франціи, Австріи, Бельгіи и другихъ странахъ лѣтъ 10-20.

Было бы долго разсказывать, какъ образовались эти партіи и какъ онѣ борются въ разныхъ странахъ. Объ этомъ можно прочесть въ небольшой книжечкѣ Аксельрода: Рабочее движеніе и соціальная демократія. Те-

перь же мы посмотримъ только, какъ рабочіе боролись въ разныхъ странахъ за 8-ми часовой рабочій день.

III.

Борьба рабочихъ съ фабрикантами за рабочій день.

Въ то время, когда увѣренные въ своей силѣ и ненасытные въ наживѣ фабриканты удлиняли рабочій день до крайныхъ предѣловъ, предполагая, что все сойдетъ имъ безнаказанно, рабочіе, жившіе до того времени тихо и покорно, возстали для защиты своихъ попранныхъ человѣческихъ правъ, для борьбы съ все болѣе душившей ихъ эксплуатаціей фабрикантовъ.

Тому минуло уже лѣтъ сто. Первыми вступили въ борьбу англійскіе рабочіе. Это было время громаднаго расцвѣта англійской промышленности; богатства фабрикантовъ росли съ необыкновенной быстротой, прибыль доходила до чрезвычайныхъ размѣровъ.

Упоенные неслыханной удачей, фабриканты отбросили всѣ человѣческія чувства и, безпощадно попирая всѣ права человѣка, старались опередить другъ друга въ эксплуатаціи рабочаго класса. Тираніи ихъ не было конца; они удлиняли рабочій день до 16 и даже до 18 часовъ, при чемъ не давали даже передышки на обѣдъ, такъ что рабочіе должны были ѣсть стоя, во время хода машинъ. Маленькихъ дѣтей 7, 8-лѣтняго возраста заставляли работать вмѣстѣ со взрослыми цѣлый день; женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ заставляли работать наравнѣ съ мущинами днемъ и ночью.

Фабриканты не боялись ничего, потому что имѣли въ своихъ рукахъ огромные капиталы и на своей сторонѣ правительство и законодательство, готовыя всегда поддержать ихъ. Они думали, что никто не осмѣлится противиться ихъ власти, какъ вдругъ поднялись рабочіе.

Въ 1811 г. въ Англіи вспыхнуло рабочее возстаніе въ Нотингэмскомъ округѣ, продолжавшееся цѣлыхъ три года. Это былъ взрывъ отчаянія. Доведенные до крайности эксплуатаціей, чрезмѣрнымъ трудомъ и ничтожной заработной платой, рабочіе взялись за оружіе, разбивали фабрики и мастерскія. Однако они не имѣли тогда никакой организаціи, никакой программы, дѣйствовали безъ плана, не давая себя яснаго отчета въ своихъ требованіяхъ.

Поэтому уже въ 1813 г. фабриканты съумѣли задавить рабочее возстаніе съ помощью войска; 18 предводителей его было повѣшено.

Но хотя движеніе это было подавлено штыками, оно всетаки принесло для рабочаго класса огромную пользу. Это было первое пробужденіе рабочихъ, первый протестъ противъ эксплуататоровъ, первая проба. Этотъ опытъ научилъ ихъ многому: онъ показалъ рабочимъ необходимость организовать свои силы въ одну партію, необходимость ясно выяснить свои цѣли. Тогда то и возникла первая рабочая партія въ Англіи: „Trade-Union“ (Рабочій Союзъ“). Эта партія поставила одною изъ первыхъ своихъ задачъ — ограниченіе рабочаго дня. Но его надо было завоевать.

Рабочіе имѣли дѣло съ двумя сильными врагами: съ фабрикантами и правительствомъ. Однако они не упали духомъ, видя неизбѣжность борьбы съ сильными врагами.

Самыми подходящими средствами борьбы признаны были публичные протесты, манифестаціи и стачки. Путемъ стачекъ фабрикантовъ вынуждали дѣлать уступки, помощью публичныхъ протестовъ знакомили все населеніе страны, весь народъ со своими требованіями, пріобрѣтали сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, указывали правительству, чего они требуютъ и чего хотятъ. Рабочая организація помогала дѣлу въ огромной степени. У ней собирались значительныя суммы для поддержки стачекъ, она же придавала всему движенію обдуманный планъ дѣйствія, увѣренность и силу. Такъ какъ рабочіе боролись упорно, безостановочно прибѣгая къ стачкамъ и публичнымъ протестамъ, такъ какъ они доказали, что не боятся ни войска, ни фабрикан-

товъ и не отступятъ отъ своихъ требованій, то правительство было вынуждено въ 1833 г. издать первый фабричный законъ.

Этотъ законъ состоялъ изъ слѣдующихъ 5 статей :

1) Рабочій день взрослыхъ не можетъ продолжаться больше 15-ти часовъ (до этого времени онъ доходилъ до 18-ти).

2) Рабочіе отъ 13 до 18 лѣтъ отъ роду не могутъ работать больше 12 часовъ, при чемъ долженъ имъ даваться перерывъ въ 1 ½ часа.

3) Дѣти, не достигшія 9-ти лѣтняго возраста, не могутъ работать на фабрикахъ.

4) Дѣти 12-13 лѣтняго возраста, не могутъ работать болѣе 8 часовъ.

2) Рабочіе моложе 18-ти лѣтъ не должны работать ночью.

Этотъ законъ былъ первою побѣдою рабочихъ; на фабрикантовъ онъ накладывалъ узду и грозилъ уменьшеніемъ доходовъ.

Въ тѣ времена англійскіе фабриканты чувствовали большое влеченіе къ маленькимъ дѣтямъ и еще больше къ ихъ дешевому труду. Не удивительно поэтому, что законъ, запрещавшій имъ пользоваться трудомъ дѣтей моложе 9 лѣтъ, пришелся но по вкусу фабрикантамъ.

Въ виду этого они рѣшились уничтожить этотъ законъ или, по крайней мѣрѣ, измѣнить его къ большей своей выгодѣ. Съ этой цѣлью они повели широкую агитацію : подкупали газеты и народныхъ ораторовъ, забрасывали правительство своими прошеніями, доказывали, что этотъ законъ будетъ гибелью для англійской промышленности, что онъ разоритъ ихъ, что онъ, наконецъ, нарушаетъ „святыя права свободы человѣка".

Подъ постояннымъ давленіемъ со стороны фабрикантовъ правительство уступило и отстрочило на 3 года исполненіе четвертаго постановленія, ограничивавшаго рабочій день дѣтей до 8-ми часовъ.

Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ бекпокойство фабрикантовъ возрастало все больше и больше : они хотѣли во что бы то ни стало навсегда уничтожить и похоронить это постановленіе.

Но и рабочіе тоже не сидѣли сложа рукп. Они собирались публично огромными массами и требовали отъ правительства обязательнаго введенія фабричнаго закона цѣликомъ, вмѣстѣ съ четвертымъ постановленіемъ. Они доказывали ясно и убѣдительно, что эксплуатація дѣтей приводитъ ихъ къ полному истощенію, физическому и нравственному вырожденію. Для изслѣдованія справедливости этого, правительство пригласило самыхъ знаменитыхъ врачей высказать свое мнѣніе на счетъ труда на фабрикахъ.

Одинъ изъ этихъ врачей, докторъ Фарре, выразился слѣдующимъ образомъ:

„Намъ нужны законы, которые запрещали бы причиненіе преждевременной смерти въ какомъ бы то ни было видѣ; а эксплуатація рабочихъ, которая господствуетъ на фабрикахъ, должна разсматриваться, какъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ способовъ умерщвленія людей.“

Давленіе со стороны рабочихъ было такъ сильно, что правительство, не смотря на обратное давленіе со стороны фабрикантовъ, должно было уступить, и законъ 1833 года былъ наконецъ послѣ 3-хъ лѣтней волокиты утвержденъ цѣликомъ и окончательно; а для наблюденія надъ его исполненіемъ были назначены фабричные инспектора.

Рабочіе не ограничились этой первой побѣдой, они стали требовать потомъ ограниченія закономъ труда женщинъ и еще большаго ограниченія труда дѣтей. Со своей стороны, фабриканты всѣми возможными способами старались обойти законъ 1833 года и вознаградить себя за потери, которыя имъ принесъ этотъ законъ. Законъ допускалъ 15-ти часовой рабочій день, но ограничивалъ трудъ дѣтей 8-ми часами, а трудъ несовершеннолѣтнихъ 12-ти часами; вслѣдствіе этого, много фабрикъ, на которыхъ работали главнымъ образомъ дѣти и несовершеннолѣтніе, не могли дѣйствовать въ теченіи 15-ти часовъ. Чтобы обойти неудобный для нихъ законъ, фабриканты придумали слѣдующее. Они дѣлили несовершеннолѣтнихъ и дѣтей на смѣны; смѣны эти становились на работу въ различные часы дня, то на 2 часа, то на 1 часъ, то на

полчаса, такъ чтобы въ суммѣ дѣти проработали 8 часовъ, а несовершеннолѣтніе 12 часовъ. Поэтому рабочій день дѣтей и несовершеннолѣтнихъ тянулся въ сущности 15 часовъ. Принужденные работать съ перерывами въ различные часы дня, не имѣя времени ни отдохнуть, ни уйти домой, дѣти и подростки оставались на фабрикѣ въ теченіи 15 часовъ.

Этотъ обходъ закона фабриканты называли „системой смѣнъ“. Благодаря ему законъ потерялъ почти всякое значеніе, такъ какъ фабричные инспектора не имѣли возможности услѣдить за всѣми хитростями постоянной перетасовки дѣтей. Между тѣмъ рабочее движеніе становилось все сильнѣе и сильнѣе: стачки, манифестаціи, публичныя собранія не прекращались. Въ это время образовалась первая обширная политическая партія англійскихъ рабочихъ, такъ называемая партія чартія „чартистовъ“, которая въ теченіе 10 лѣтъ держала въ трепетѣ всю Англію. Чартистское движеніе выставило слѣдующія два требованія: 10 часовой рабочій день и всеобщее избирательное право. Рабочіе требовали уже не только ограниченія труда женщинъ, дѣтей и подростковъ, но требовали также исполненія фабричнаго закона, требовали уничтоженія придуманной фабрикантами „системы смѣнъ“, которая служила такимъ ловкимъ способомъ выжимать изъ дѣтей послѣднюю каплю крови. Всеобщаго же избирательнаго права рабочіе добивались для того, чтобы получить право выбирать своихъ товарищей въ Законодательную Палату (въ Англіи она называется „парламентомъ“), издающую законы. До тѣхъ поръ туда посылали своихъ выборныхъ представителей только помѣщики, да буржуазія, т. е. купечество. Конечно, они издавали такіе законы, которые были выгодны только имъ, а не рабочимъ.

Послѣ упорной борьбы правительство снова принуждено было уступить рабочимъ, и въ 1844 г. былъ изданъ новый законъ, который дополнилъ и разширилъ предыдущій; этотъ новый законъ состоялъ изъ трехъ постановленій:

1) Женщины старше 18-ти лѣтъ не должны рабо-

тать болѣе 12-ти часовъ въ сутки; ночной трудъ воспрещенъ для нихъ.

2) Дѣти моложе 13-ти лѣтъ, не могутъ работать больше 7 часовъ.

3) Запрещена работа „смѣнами“ (такая, какую мы описывали выше).

Это была вторая побѣда рабочихъ.

Эти два закона, отвоеванные рабочими, ограничивали только трудъ дѣтей, подростковъ и женщинъ. У взрослыхъ же рабочихъ, какъ и раньше, остался 15-ти часовой рабочій день.

Но все таки побѣда эта имѣла для рабочихъ огромное значеніе. Рабочее движеніе было такъ сильно, что фабриканты не осмѣливались сопротивляться новымъ законамъ и должны были согласиться на двѣнадцатичасовой рабочій день. Имъ только удалось склонить правительство провести постановленіе, въ силу котораго уже 8-ми лѣтнія дѣти могли быть принимаемы на фабрики.

Въ 1846 и 1847 годахъ рабочіе начали сильную агитацію въ пользу 10-ти часоваго рабочаго дня и снова одержали побѣду. Правительство принуждено было издать въ 1849 г. законъ, который ограничилъ рабочій день женщинъ и подростковъ одинадцатью часами; 10-ти же часовой рабочій день оно обѣщало ввести съ перваго Мая 1848 г.

Тогда фабриканты напрягли всѣ свои силы, чтобы помѣшать этому.

Время было выбрано весьма подходящее, именно время промышленнаго кризиса. Много тысячъ рабочихъ было выброшено на мостовую; тѣмъ же, которые еще оставались на фабрикахъ, заработная плата была понижена на 10 или 25 проценловъ.

Пользуясь тяжелымъ положеніемъ рабочихъ, фабриканты довели эксплуатацію до крайнихъ границъ; они видѣли, что рабочіе, благодаря ожидавшей ихъ нуждѣ и безработицѣ, стали уступчивѣе. И вотъ они начали свою агитацію среди рабочихъ съ той цѣлью, чтобы принудить ихъ отказаться отъ изданныхъ фабричныхъ законовъ и отъ требованія 10-ти часоваго рабочаго

дня, угрожая имъ въ противномъ случаѣ лишеніемъ заработка. Несмотря на это, фабрикантамъ удалось получить только 6 петицій (прошеній) отъ рабочихъ, въ которыхъ рабочіе, обращаясь къ правительству, отказывались отъ 10-ти часоваго рабочаго дня и жаловались ему на притѣсненія, которыя якобы они испытывали отъ фабричныхъ законовъ. По поводу этихъ петицій правительство назначило слѣдствіе, изъ котораго выяснилось, что тѣ рабочіе, которые подали эти петиціи, „были принуждены насильно подписывать ихъ,[1]) что они дѣйствительно были притѣсняемы, но отнюдь не фабричными законами.“

Не успѣвши принудить самихъ рабочихъ дѣлать заявленія, какъ это имъ было выгодно, фабриканты стали въ газетахъ и въ парламентѣ говорить отъ имени рабочихъ.

Однако и этотъ маневръ имъ не удался. Рабочіе заявили фабричнымъ инспекторамъ, что отъ требованія 10-ти часоваго рабочаго дня они не отступятъ, а вожаки ихъ громко заявляли о мошенническихъ продѣлкахъ фабрикантовъ. Фабриканты испробовали еще одно средство: они заставляли взрослыхъ рабочихъ работать по 12-15 часовъ, а потомъ разглашали объ этихъ фактахъ и старались доказать, что сами рабочіе хотѣли работать по 12-15 часовъ. Но и это ни къ чему не повело, такъ какъ рабочіе публично заявляли фабричнымъ инспекторамъ, что они куда охотнѣе работали бы 10 часовъ, даже за меньшую плату, но что у нихъ не было выбора. Въ то время масса рабочихъ была безъ всякой работы. И если бы кто-нибудь не согласился на удлиненіе рабочаго дня, его мѣсто занялъ бы тотчасъ другой, такъ что для рабочихъ вопросъ сводился къ слѣдующему: либо согласиться работать дольше, либо быть выброшеннымъ на мостовую.

---

[1]) Одинъ рабочій объяснилъ на слѣдствіи, что когда онъ подписывалъ петицію, онъ сознавалъ, что поступаетъ худо. „Зачѣмъ же вы это сдѣлали?“ спросили его.

— „Потому, что, если бы я не подписалъ петиціи фабрикантъ выгналъ бы меня съ фабрики.“

Всѣ ухищренія фабрикантовъ ни къ чему не привели. Рабочіе настойчиво требовали введенія 10-ти часоваго рабочаго дня.

Наступило 1-вое Мая 1848 года, и законы, ограничивавшіе рабочій день для женщинъ и подростковъ 10-ти часами, были утверждены.

Это была третья большая побѣда рабочихъ.

Но фабриканты не сдались. Въ отвѣтъ на этотъ законъ, они первымъ долгомъ удалили совсѣмъ съ фабрики большую часть женщинъ и подростковъ, а для взрослыхъ мужчинъ ввели почти повсемѣстно ночную работу. Затѣмъ они стали до такой степени злоупотреблять „системой смѣнъ“, что женщины и дѣти оставались на фабрикахъ въ теченіи всѣхъ 15-ти часовъ, назначенныхъ для работы взрослыхъ мужчинъ. Такимъ образомъ рабочій день женщинъ и дѣтей равнялся также 15-ти часамъ, не считая времени на ходьбу изъ дому на фабрику и обратно. Перерывы же между смѣнами обращались для нихъ въ вынужденное бездѣйствіе. Наконецъ, фабриканты устраивали еще слѣдующее: однихъ и тѣхъ же дѣтей посылали въ теченіе того же дня съ одной фабрики на другую, заставляя въ каждой изъ нихъ работать по 7 часовъ; повидимому, они соблюдали законный рабочій день, въ дѣйствительности же выжимали изъ дѣтей 14-ти часовъ работы.

При помощи подобныхъ ухищреній фабрикантамъ удалось обойти новый законъ. 10 ти часовой рабочій день продолжалъ существовать только на бумагѣ, а въ жизни не исполнялся.

Фабричнымъ инспекторамъ было крайне трудно ловить фабрикантовъ на этихъ продѣлкахъ, потому что обыкновенно фабриканты приказывали дѣтямъ и подросткамъ говорить, что они работаютъ только 8-10 часовъ. Когда же удавалось привлечь фабриканта къ суду за нарушеніе закона, то суды, состоявшіе часто изъ капиталистовъ или ихъ родственниковъ, оправдывали фабриканта. Такъ, одинъ фабричный инспекторъ обвинилъ и возбудилъ дѣло противъ 10 фабрикантовъ, и только одинъ изъ нихъ былъ наказанъ. Но такой

произволъ и наглый обманъ не могли продолжаться долго. Рабочее движеніе приняло небывалые, грозные размѣры; собранія, стачки и демонстраціи рабочихъ не прекращались.

„Неужели же законъ о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ, котораго мы добивались, — говорили рабочіе, — долженъ остаться пустой комедіей, парламентскимъ обманомъ, и не будетъ никогда приведенъ въ исполненіе?“

Такъ дѣло тянулось два года. Наконецъ, волненія рабочихъ приняли такіе угрожающіе для правительства и фабрикантовъ размѣры, что правительство принуждено было въ 1850 г. издать законъ, который разъ навсегда запретилъ „систему смѣнъ“ и требовалъ, чтобы на каждой фабрикѣ вполнѣ точно указывалось начало, конецъ и перерывы рабочаго дня.

При этомъ подъ давленіемъ фабрикантовъ правительство и для нихъ сдѣлало уступку, установивъ для женщинъ и дѣтей 10 ½ часовой рабочій день вмѣсто прежняго 10-ти часоваго рабочаго дня.

Но послѣ 1850 г. фабриканты должны были сдаться. Сильное рабочее движеніе и постоянно усиливавшаяся организація рабочихъ возбуждали въ фабрикантахъ страхъ.

Далѣе рабочіе стали добиваться распространенія изданныхъ законовъ на всѣ промышленныя заведенія, что къ тому времени еще не было сдѣлано, такъ какъ на фабрики ковровъ, шляпъ, спичекъ, на красильныя и прачешныя заведенія законъ 1850 г. не распространялся. Благодаря агитаціи рабочихъ, правительство въ 1860, 61 и 63 годахъ принуждено было распространить фабричное законодательство на всѣ промышленныя заведенія.

О вліяніи завоеванныхъ рабочими фабричныхъ законовъ, фабричные инспектора отзывались слѣдующимъ образомъ:

„10-ти часовой рабочій день охранилъ рабочихъ отъ полнаго тѣлеснаго и нравственнаго вырожденія и имѣлъ громадное вліяніе на улучшеніе здоровья рабочаго класса.“

„Теперь рабочій знаетъ, когда кончается время, проданное имъ, и когда начинается время, принадлежащее ему лично. Это позволяетъ рабочему распредѣлять заранѣе свое время по своему собственному желанію и разсчету. Дѣлая рабочихъ хозяевами своего времени, фабричное законодательство дало имъ нравственную энергію, которая въ будущемъ дастъ имъ возможность завоевать политическую власть.“

Съ этого времени борьба рабочихъ съ фабрикантами еще болѣе обостряется.

Рабочіе не ограничились уже добытыми правами. Завоевавши 10-ти часовой рабочій день для женщинъ и дѣтей, они стали добиваться того же для всѣхъ рабочихъ безъ различія пола.

Въ это время рабочая партія уже насчитывала около 50,000 организованныхъ рабочихъ, при чемъ силы партіи возрастали съ каждымъ годомъ; втеченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ число съорганизованныхъ рабочихъ дошло до 125,000, — касса партіи располагала большими денежными суммами, которыя составлялись изъ взносовъ самихъ рабочихъ.

Съ такой внушительной силой должны были считаться и правительство, и фабриканты.

Борьба за всеобщій 10-ти часовой рабочій день тянулась около 15 лѣтъ и закончилась полнѣйшей побѣдой рабочаго класса.

Правда, правительство не рѣшалось законодательнымъ путемъ ввести 10-ти часовой рабочій день для взрослыхъ мужчинъ, боясь стѣснить „свободу“ фабрикантовъ, но фабриканты сами должны были уступить, благодаря постояннымъ стачкамъ рабочихъ, которыя велись съ несокрушимой стойкостью.

За это время рабочая партія выдала своимъ дѣлавшимъ стачки товарищамъ рабочимъ 25 милліоновъ рублей.

Стачками они добились того, что почти повсюду, ни всѣхъ фабрикахъ Англіи, былъ введенъ 10-ти часовой рабочій день.

За послѣднія 15 лѣтъ, съ конца 70-хъ годовъ, рабочій классъ поставилъ себѣ главной задачей борьбы добиться *всеобщаго 8-ми часоваго рабочаго дня.*

Борьба ведется жестокая; году не проходитъ, чтобы не было нѣсколькихъ десятковъ большихъ стачекъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фабриканты уже уступили и ввели 8-ми часовой рабочій день для всѣхъ рабочихъ, но большинство англійскихъ фабрикъ пользуется еще и теперь 10-ти часовымъ рабочимъ днемъ.

Съ каждымъ днемъ рабочее движеніе и борьба за 8-ми часовой рабочій день возрастаетъ съ громадной силой, принимая все болѣе грозныя для фабрикантовъ формы.

Теперь въ рабочихъ союзахъ Англіи насчитывается уже около 1 ½ милліона съорганизованныхъ рабочихъ.

Послѣдніе годы, съ 1889 г., представляли нескончаемый рядъ волненій, стачекъ и демонстрацій, при посредствѣ которыхъ рабочіе стараются добиться 8-ми часоваго рабочаго дня. Особенно замѣчательна была стачка носильщиковъ, нагрузчиковъ и вообще чернорабочихъ въ лондонской гавани въ 1889 году. Лондонская гавань находится въ самой бѣдной части города. Какъ и всюду, въ Лондонѣ чернорабочіе получаютъ за свой тяжелый трудъ самую ничтожную заработную плату. И несмотря на это, всегда есть много такихъ, которые голодаютъ, вовсе не находя себѣ работы. Населеніе этой части Лондона, Истъ-Энда, тоже что въ нашихъ городахъ: „босяки“, „босая команда“. Голодъ, болѣзни, нищета, невѣжество, — вотъ ихъ судьба. Ежедневно поутру можно было видѣть, какъ они въ лохмотьяхъ, дрожа отъ холода, съ разсвѣта дожидались впуска въ гавань. „Когда открывались ворота, несчастные забывали всѣ человѣческія чувства и дрались, какъ дикіе звѣри. Они толкали, рвали, давили другъ друга, чтобы пробиться впередъ. И горе побѣжденному! Окровавленный, выбившійся изъ силъ, онъ оставался позади, въ то время какъ его счастливый побѣдитель входилъ въ ворота. И все это изъ за того, чтобы въ лучшемъ случаѣ заработать нѣсколько копѣекъ.“ Къ ихъ тяжелому положенію присоединялось еще царившее среди нихъ пьянство, въ которомъ они находили забвеніе своей усталости и тяжелой жизни.

Можно ли было поднять этн несчастныя, одичалыя существа? Казалось, что нѣтъ. Однако нашлось нѣсколько смѣлыхъ, благородныхъ рабочихъ-соціалистовъ, которые по утрамъ, отправляясь на свою работу, останавливались въ сѣромъ туманѣ разсвѣта передъ этими страшными воротами. Они говорили этимъ несчастнымъ „босякамъ“ объ ихъ тяжкомъ положеніи и о причинахъ его, о томъ, что имъ нужно всѣмъ вмѣстѣ соединиться, чтобы образовать одинъ союзъ, вмѣсто того, чтобы драться другъ съ другомъ и сбивать плату. Они говорили имъ также о томъ, что только тогда рабочіе освободятся отъ гнета капитала, когда соединятся въ одну братскую армію трудящихся, научатся бороться дружно за свои права, станутъ политической силой. И многіе изъ этихъ несчастныхъ прислушивались и призадумывались надъ словами соціалистовъ-рабочихъ. Скоро число ихъ возросло, и среди нихъ образовался первый союзъ работавшихъ на газовыхъ заводахъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ союзъ уже устроилъ стачку и добился сокращенія рабочаго дня съ 12 до 8 часовъ и повышенія заработной платы. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ и на нагрузчиковъ и носильщиковъ, и осенью 1889 года они образовали союзъ и вступили въ стачку, чтобы добиться повышенія платы и уничтоженія подрядчиковъ. Для поддержки стачечниковъ они отправляли изъ своей среды сборщиковъ денегъ по городу, и тѣ самые бѣдняки, которые никогда, можетъ быть, не имѣли въ рукахъ 1 рубля, приносили своимъ товарищамъ сотни рублей, не утаивъ ни одной копѣйки.

Благодаря своей дружной борьбѣ, они одержали побѣду, и ихъ положеніе значительно улучшилось. Послѣ стачки къ союзу рабочихъ на докахъ, въ гавани, присоединилось около 40,000 рабочихъ. Въ слѣдующемъ 1890 году въ городѣ Бирмингамѣ собрались представители 100,000 углекоповъ, соединенныхъ въ „Общій Союзъ горнорабочихъ.“

Эти выборные потребовали отъ правительства введенія 8-ми часоваго рабочаго дня и заявили, что отъ своего требованія не отступятъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ осуществлено. Даже на съѣздѣ выборныхъ

всѣхъ рабочихъ союзовъ Англіи въ 1893 году было поставлено, что рабочіе будутъ выбирать въ парламентъ и подавать свой голосъ только за такихъ людей, которые будутъ бороться за всеобщій 8-ми часовой рабочій день.

Какъ англійскіе рабочіе упорной борьбой добились 10-ти часоваго рабочаго дня, такъ они добьются и 8 ми часоваго рабочаго дня[1]). Примѣръ англійскихъ рабочихъ повліялъ на рабочихъ и другихъ странъ.

Такого же характера рабочее движеніе совершается, та же борьба за 8-ми часовой рабочій день ведется теперь во всѣхъ странахъ и государствахъ западной Европы: во Франціи, Германіи, Бельгіи, Австріи, Польшѣ и т. д. Только въ Россіи еще рабочіе не очнулись отъ своего вѣковаго сна.

Особенно сильно рабочее движеніе въ Германіи.

Тамъ существуетъ самая сильная рабочая партія, такъ называемые соціаль-демократы, которые въ своихъ рядахъ насчитываютъ не тысячи, а уже милліоны[2]) организованныхъ рабочихъ, вполнѣ понимающихъ интересы всего рабочаго класса. Особенно послѣдніе 4 года ознаменовались въ Германіи цѣлымъ рядомъ стачекъ, манифестаціей со стороны рабочихъ.

Въ маѣ 1888 г. въ Берлинѣ забастовало нѣсколько тысячъ подмастерьевъ: портныхъ, сапожниковъ, кузнецовъ, каменьщиковъ и т. п. Стачка кончилась побѣдой рабочихъ. Такъ напр. подмастерья портные, работавшіе раньше по 15 часовъ и получавшіе отъ 9 до 13 марокъ въ недѣлю (т. е. отъ 4 ½ до 6 ½ рублей) добились 10-ти часоваго рабочаго дня и недѣльнаго заработка отъ 17 до 18 марокъ (около 9 рублей). Въ 1889 г. стачки охватили почти всю Германію. Въ Штетинѣ забастовали рабочіе сахароваренныхъ заводовъ, въ Мюн-

---

[1]) Уже въ 1893 году правительство выработало проэктъ закона, ограничивающаго рабочій день углекоповъ 8-мью часами.

[2]) На выборы въ германскій парламентъ (у нѣмцевъ онъ называется „рейхстагъ“) въ 1893 году за соціаль-демократовъ было подано около 2,000,000 голосовъ и 44 соціаль-демократа было выбрано въ рейхстагъ.

хенѣ — гончары, въ Эйзенахѣ — сапожники, въ Вестфаліи во всѣхъ горныхъ округахъ вспыхнула громадная стачка углекоповъ. Эта стачка была самой крупной; въ ней приняли участіе до 90 тысячъ углекоповъ, и тянулась она нѣсколько мѣсяцевъ. Рабочіе держались съ мужественной стойкостью и разсудительностью, несмотря на вызывающее поведеніе войска и постоянныя нападенія со стороны полиціи. Въ Берлинѣ вспыхнула громадная стачка всѣхъ наборщиковъ, требовавшихъ 9-ти часоваго рабочаго дня.

Несмотря на то, что правительство послало въ типографіи на мѣсто забастовавшихъ рабочихъ наборщиковъ изъ солдатъ, рабочіе отстояли свои требованія. А присылка солдатъ-наборщиковъ повела только къ тому, что рабочіе увидѣли ясно, что правительство противъ нихъ и помогаетъ только фабрикантамъ. Поэтому вскорѣ послѣ окончанія стачки было созвано собраніе наборщиковъ для обсужденія вопроса, какъ имъ улучшить свое положеніе. На этомъ собраніи всѣ они перешли на сторону соціалистовъ.

Ни одинъ слѣдующій годъ не обходился безъ нѣсколькихъ крупныхъ стачекъ. Почти всѣ онѣ кончались уступками въ пользу рабочихъ. Рабочая партія поддерживала стачечниковъ выдачей пособій, на всѣхъ рабочихъ собраніяхъ, во всѣхъ концахъ Германіи рабочіе жертвовали послѣдніе гроши, лишь бы помочь забастовавшимъ товарищамъ. Мы видимъ отсюда, что организація и агитація среди рабочихъ въ Германіи охватываетъ громадное число рабочихъ. Все это сдѣлано въ какіе-нибудь 30 послѣднихъ лѣтъ, потому что въ 60-хъ годахъ въ Германіи было очень немного организованныхъ рабочихъ.

Во Франціи не было охранительнаго рабочаго законодательства до революціи 1848 года. Возставшій пролетаріатъ добился тогда закона, ограничивавшаго рабочій день 12-тью часами. Когда же революція была подавлена, и тысячи рабочихъ были разстрѣляны, то рабочее движеніе затихло. Поребовалось много времени, чтобы французскіе рабочіе снова собрали свои силы и оправились отъ тяжелыхъ потерь. Но наступила война 1870 г., паденіе имперіи и съ нимъ знаменитое возста-

ніе французскаго пролетаріата въ Парижѣ. Рабочіе захватили въ свои руки власть и втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ управляли Парижемъ.

Но тяжелое время (Парижъ былъ осажденъ нѣмцами и войсками буржуазіи) не дало возможности рабочему правительству провести много реформъ на пользу рабочихъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ рабочіе были побѣждены, и буржуазія показала всю свою свирѣпую жестокость. 35 тысячъ рабочихъ толпами были разстрѣляны немедленно. еще больше сослано въ каторжныя работы. Долго рабочіе не могли оправиться отъ этой бойни, унесшей у нихъ самыхъ лучшихъ товарищей!

Но уже въ 1879 г. на съѣздѣ въ городѣ Марсели выборные отъ всѣхъ французскихъ рабочихъ выставили снова требованіе 8-ми часоваго рабочаго дня и организовались въ соціалистическую рабочую партію. Эта партія дѣлаетъ все возможное, чтобы добиться 8-ми часоваго рабочаго дня. Французскіе рабочіе принимаютъ самое энергическое участіе въ празднованіи 1-го Мая. На происшедшихъ въ этомъ году выборахъ въ палату представителей (которая издаетъ законы) рабочіе выиграли болѣе 40 мѣстъ. Всего рабочими было подано больше полу-милліона соціалистическихъ голосовъ.

Въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, которые были мѣстомъ зарожденія борьбы за 8-ми часовой рабочій день, уже около 50 лѣтъ ведется жестокая борьба между капиталистами и рабочими изъ за рабочаго дня. Для большаго успѣха борьбы американскіе рабочіе соединяются въ такъ называемыя „рабочія лиги“ (союзы), которыя ставятъ себѣ цѣлью добиться одного какого-нибудь требованія. Такъ, напр. въ различныхъ мѣстахъ существуютъ лиги съ цѣлью добиться 8-ми часоваго рабочаго дня. Кромѣ этихъ союзовъ въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ еще двѣ большія рабочія партіи: „Союзъ рыцарей труда“ и „Сѣверо-Американская соціалистическая рабочая партія“. Эти партіи насчитываютъ въ своихъ рядахъ милліоны рабочихъ, несмотря на то, что онѣ отчасти тайныя. Дѣло въ томъ, что хотя американскіе законы и

разрѣшаютъ рабочимъ соединяться въ союзы, но, въ виду преслѣдованій со стороны фабрикантовъ, рабочіе должны скрывать свою принадлежность къ этимъ союзамъ. 8-ми часовой рабочій день — вотъ ближайшая цѣль среди множества другихъ, которыя поставили себѣ эти партіи. Борьба ихъ уже ознаменовалась цѣлымъ рядомъ побѣдъ. Число манифестацій и стачекъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Втеченіе 5 лѣтъ (1881-1885 годовъ) въ Соединенныхъ Штатахъ произошло 3,900 стачекъ, въ которыхъ участвовало 1,325,000 рабочихъ, а рабочая партія выдала втеченіе этихъ 5 лѣтъ на поддержку товарищей-стачечниковъ нѣсколько милліоновъ рублей. Агитація въ пользу сокращенія рабочаго дня ведетъ свое начало съ 1825 г., т. е. съ того времени, когда само развитіе промышленности ускорило образованіе рабочихъ союзовъ. Въ 1830 году разразились стачки, имѣвшія цѣлью добиться 10-ти часоваго рабочаго дня. Призывъ къ этой борьбѣ вышелъ изъ среды рабочихъ строительныхъ ремеслъ. Въ 1840 году президентъ Ван-Буренъ издаетъ постановленіе, въ силу котораго во всѣхъ правительственныхъ мастерскихъ вводится 10-ти часовой рабочій день, при прежней заработной платѣ. На частныхъ же фабрикахъ продолжительность рабочаго дня и его сокращеніе зависѣли отъ энергіи и силы рабочихъ организацій.

Промышленный кризисъ, которымъ сопровождалась американская война за освобожденіе негровъ отъ рабства (1861 - 1865 годовъ), повлекъ за собой нѣкоторое ослабленіе рабочихъ союзовъ. Фабриканты и правительство хотѣли воспользоваться этимъ ослабленіемъ союзовъ и удлинить рабочій день. Наилучшимъ отвѣтомъ на это явилась сильная агитація со стороны рабочихъ союзовъ, благодаря которой не только добытый раньше 10-ти часовой рабочій день остался въ силѣ, но „Національный союзъ рабочихъ“ выставилъ уже требованіе 8-ми часоваго рабочаго дня. Именно на съѣздѣ въ городѣ Балтиморѣ (16 Августа 1869 года) было поставлено: „Самымъ важнымъ требованіемъ настоящаго времени для освобожденія труда изъ подъ ига капитала должно быть изданіе закона, благодаря которому 8-ми часовой рабочій день былъ

бы сдѣланъ обязательнымъ. Мы рѣшились сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ, для достиженія этой цѣли". Въ то же время по другую сторону Океана (Сентябрь 1869 года) международный рабочій конгрессъ въ Женевѣ постановилъ: — „Мы признаемъ сокращеніе рабочаго дня необходимымъ условіемъ, безъ котораго всѣ наши стремленія къ освобожденію будутъ неудачны.... Мы ставимъ 8 часовъ труда крайнимъ предѣломъ рабочаго дня". Однимъ изъ энергичнѣйшихъ агитаторовъ въ пользу восьми-часоваго дня въ Америкѣ является рабочій Сильвисъ. „Теперь устраивается много новыхъ школъ, говоритъ онъ, учреждаются богатѣйшія библіотеки и стоятъ для насъ открытыми, чтобы обогатить нашъ умъ, расширить наши познанія. Но, къ несчастью, у насъ нѣтъ времени, чтобы воспользоваться этимъ продуктомъ цивилизаціи. Мы требуемъ поэтому больше свободнаго времени, требуемъ времени для отдыха, мышленія и развитія, мы требуемъ досуга, чтобы перенестись изъ душныхъ фабрикъ къ домашнему очагу, порадоваться улыбкой и лаской нашихъ дѣтей, насладиться отдыхомъ съ нашими женами, поговорить по дружески съ нашими сосѣдями, поразмышлять серьезно о своемъ житьѣ, о своихъ нуждахъ, прочесть газету и забыть на время о деспотизмѣ и притѣсненіяхъ фабрикантовъ, подумать о лучшей долѣ, которая ожидаетъ насъ въ будущемъ".

Слѣдствіемъ этой агитаціи явился въ 1868 году законъ, который установилъ 8-ми часовой рабочій день для рабочихъ всѣхъ правительственныхъ (казенныхъ) мастерскихъ. Но этотъ законъ продержался не долго. Фабриканты стали хлопотать передъ правительствомъ, чтобы оно не приводило этого закона въ исполненіе. Сначала фабриканты попытались уменьшить заработную плату. Отвѣтомъ на это со стороны рабочихъ были стачки и требованіе, чтобы законъ 1868 года былъ введенъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и законъ 1848 г. (т. е. ограниченіе рабочаго дня безъ сокращенія заработной платы).

Споръ этотъ продолжался нѣсколько лѣтъ и привелъ къ ужасному событію въ 1886 г. въ Чикаго. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Америкѣ разразился сильный промы-

шленный кризисъ. Масса рабочихъ была безъ работы, кассы рабочихъ союзовъ опустѣли и фабриканты получили больше силы. Но въ началѣ 80-хъ годовъ рабочіе союзы стали снова крѣпнуть, и въ серединѣ 80-хъ годовъ рабочіе рѣшились во что бы то ни стало добиться 8-ми часоваго рабочаго дня. Мѣстомъ, гдѣ борьба была всего ожесточеннѣе, былъ городъ Чикаго. Тамъ рабочіе постановили, что если къ 1-му Мая 1886 г. не будетъ введенъ 8-ми часовой рабочій день, они забастуютъ во всемъ городѣ. Капиталисты, конечно, не уступали, а въ газетахъ своихъ они помѣщали грубыя статьи противъ рабочихъ, гдѣ называли ихъ „лѣнивыми животными“ и писали, что ихъ надо разстрѣливать.

Поэтому 1-го Мая забастовало 25,000 рабочихъ. 4-го Мая число забастовщиковъ достигло уже 50,000. 3-го Мая полиція напала вдругъ на собраніе рабочихъ и открыла по нимъ убійственный огонь. Это дикое нападеніе наемниковъ, слѣдствіемъ котораго было 6 человѣкъ убитыхъ и множество раненныхъ, внесло страшное раздраженіе въ среду рабочихъ. На слѣдующій день было назначено громадное собраніе на одной изъ площадей Чикаго, чтобы обсудить положеніе дѣлъ. Въ то время, когда на этомъ собраніи обсуждалось положеніе рабочихъ и дикая расправа полиціи, полиція снова напала на рабочихъ. Въ это же время вдругъ произошелъ взрывъ; — взорвалась неизвѣстно кѣмъ брошенная бомба. Полиціи этого только и нужно было. Она немедленно арестовала 8 наиболѣе способныхъ и энергичныхъ рабочихъ и обвинила ихъ въ заговорѣ. Хотя рабочіе эти были совершенно невиновны въ происшедшемъ взрывѣ, правительство рѣшило однако непремѣнно казнить ихъ, чтобы запугать рабочихъ. Были подкуплены свидѣтели и присяжные, и 5 человѣкъ было повѣшено. Но фабриканты не избавились этимъ презрѣннымъ поступкомъ отъ борьбы. Въ память этихъ событій въ Чикаго возникъ праздникъ „1-го Мая“, сдѣлавшійся впослѣдствіи праздникомъ рабочихъ всего міра. Въ 1889 г. въ Парижѣ, во время всемірной выставки, состоялся международной рабочій съѣздъ, на которомъ были выборные отъ рабочихъ всѣхъ странъ.

Эти выборные должны были обсудить общія цѣли и задачи рабочаго класса.

На этомъ конгрессѣ разсматривались средства, съ помощью которыхъ рабочіе могутъ освободиться отъ того гнета, нужды и эксплуатаціи, въ которыхъ они теперь находятся. Конгрессъ пришелъ къ заключенію, что они выйдутъ изъ этого положенія только тогда, когда станутъ политической силой и добьются перехода средствъ и орудій производствъ изъ рукъ капиталистовъ въ руки всѣхъ трудящихся.

А какъ добиться этого? что надо теперь дѣлать, чтобы добиться власти? На этотъ вопросъ конгрессъ отвѣтилъ: „надо соединиться, организоваться, надо развиваться и выработать братскую солидарность между рабочими всѣхъ странъ, надо постепенно добиться лучшихъ условій жизни, а когда мы станемъ сильными, будемъ понимать свои цѣли и интересы, тогда мы силою возьмемъ свои права, низвергнемъ капиталистическія правительства и добьемся перехода орудій производства въ общую собственность всѣхъ трудящихся“.

Для нагляднаго выраженія этого братскаго единенія рабочихъ всѣхъ странъ былъ учрежденъ праздникъ 1-го Мая. Въ этотъ день въ всѣхъ странахъ Европы, Америки и Австраліи рабочіе бросаютъ работу, собираются огромнымя массами и требуютъ 8 ми часоваго рабочаго дня. И такъ, 1-ое Мая стало праздникомъ рабочихъ всего свѣта. Въ Русской Польшѣ, рабочіе празднуютъ его, несмотря на то, что правительство передъ первымъ Мая арестуетъ наиболѣе умныхъ рабочихъ, а фабрики наполняются шпіонами. Въ 1891 г. въ Лодзи въ день 1-го Мая забастовало 80,000 рабочихъ. Правительство выслало войско, и русскіе солдаты по приказу начальства учинили дикую расправу надъ безоружными рабочими. Много было убитыхъ, еще больше раненныхъ.

Польскіе рабочіе чтутъ теперь ежегодно память своихъ павшихъ товарищей. Такую же дикую бойню правительство учинило въ Жирардовѣ.

Празднованіе 1-го Мая происходитъ также въ Варшавѣ и другимъ фабричныхъ городахъ Польши.

Празднуется первое Мая и въ Россіи. Наиболѣе развитые рабочіе крупныхъ городовъ тайно собираются въ этотъ день небольшими кружками и, обсуждая положеніе дѣлъ на Западѣ, выясняетъ себѣ въ тоже время свои собственныя задачи.

И такъ, мы видимъ, что теперь вопросъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ повсюду стоитъ на очереди. Во всѣхъ странамъ рабочіе дружно борются за него, и скоро безграничной эксплуатаціи капиталистовъ будетъ нанесенъ еще одинъ ударъ; „8 часовъ сна, 8 часовъ работы и 8 часовъ отдыха“, вотъ международный боевой лозунгъ рабочихъ всего міра. Рабочее движеніе стало теперь настолько мощнымъ, стало развиваться съ такою неудержимою силой, что уже никто не въ силахъ подавить его, и недалеко то время, когда оно разобьетъ на всемъ земномъ шарѣ силу капиталистовъ и ихъ правительствъ.

Добившись 8-ми часоваго рабочаго дня, рабочіе не сложатъ оружія; они наберутся только больше силы, чтобы продолжать борьбу за другія свои права. Борьба рабочихъ съ капиталистами должна закончиться полнымъ освобожденіемъ рабочаго класса отъ эксплуатаціи. *Борьба эта кончится лишь тогда, когда рабочіе добьются политической власти, и когда фабрики, рудники, мастерскія, земля и всѣ капиталы перейдутъ въ общественную собственность всѣхъ рабочихъ, когда они сами возьмутъ въ свои руки управленіе своей судьбой.*

Тогда лишь прекратится борьба, неравенство, гнетъ, нищета и невѣжество, не будетъ ни эксплуататоровъ, ни эксплуатируемыхъ, ни господъ, ни слугъ; тогда придетъ время истиннаго равенства, свободы и братства.

Но раньше, чѣмъ оно наступитъ, на всемъ земномъ шарѣ будетъ происходить борьба между фабрикантами и рабочимъ классомъ, и въ этой борьбѣ рабочіе непобѣдимы, несмотря на угрозы и насилія правительствъ; несмотря на всю силу правительствъ, они на шагъ не отступятъ отъ своихъ правъ на свободу, на тѣ богатства, которые они создаютъ своимъ трудомъ.

IV.

Почему рабочіе должны бороться за 8-ми часовой рабочій день?

По двумъ причинамъ рабочіе прежде всего должны добиваться 8-ми часоваго рабочаго дня.

Первая состоитъ въ томъ, что длинный рабочій день затрудняетъ рабочимъ борьбу съ фабрикантами.

Какъ мы видѣли, длинный рабочій день позволяетъ фабрикантамъ ограничиваться меньшимъ числомъ рабочихъ. Вслѣдствіе этого масса рабочихъ остается совсѣмъ безъ заработка. Они терпятъ страшную нужду и голодъ, хватаются за ничтожнѣйшій заработокъ, лишь бы только какъ нибудь просуществовать. Существованіе этой массы безработныхъ, этой запасной арміи трудящихся, достигающей иногда сотенъ тысячъ, очень выгодно для фабрикантовъ. Разразится ли напр. на какой нибудь фабрикѣ стачка, при которой рабочіе требуютъ улучшенія своего положенія, фабриканту она ни по чѣмъ, такъ какъ онъ во всякое время можетъ поставить на мѣсто забастовавшихъ тѣхъ, которые были безъ работы. Тогда стачка не удается, и фабрикантъ торжествуетъ надъ рабочими.

Если бы у насъ напр. рабочій день былъ сокращенъ на половину или на треть, т. е. съ 16-14 часоваго сталъ бы 8-ми часовымъ, то фабрикантамъ пришлось бы нанять не 1,400,000 рабочихъ, какъ теперь, а на цѣлую треть больше, т. е. 1,800,000 рабочихъ. Это

значитъ, что 400,000 рабочихъ, остающихся теперь безъ работы и гибнущихъ отъ нужды нашли бы тогда работу и средства къ жизни. Тогда уменьшилось бы число добивающихся работы изъ-за куска хлѣба. И если бы рабочіе, требуя повышенія заработной платы или другой уступки, устроили стачку и нѣкоторое время держались дружно, то навѣрно добились бы своего. Фабрикантъ долженъ былъ бы уступить, не имѣя возможности такъ легко найти рабочихъ на мѣсто забастовавшихъ. Добившись 8-ми часоваго рабочаго дня, рабочіе тѣмъ самымъ значительно облегчатъ себѣ борьбу за другія свои требованія, какъ то: за увеличеніе заработной платы, уничтоженіе работы дѣтей, ограниченіе работы женщинъ, запрещеніе ночной работы, установленіе предѣльной платы за добавочные рабочіе часы, уничтоженіе поштучной платы и т. д. Они могутъ сильнѣе, съ большей увѣренностью въ побѣдѣ сопротивляться всякаго рода эксплуатаціи. **8-ми часовой рабочій день, уменьшая число безработныхъ, тѣмъ самымъ открываетъ рабочему классу возможность дальнѣйшихъ побѣдъ.** Вторая причина та, что **8-ми часовой рабочій день принесетъ рабочему здоровье и силу, дастъ время для умственнаго развитія и занятія наукой, для обсужденія общихъ съ его товарищами-рабочими дѣлъ.**

Мы никогда не должны забывать, что рабочее движеніе непрекратится, если будетъ достигнуто сокращеніе рабочаго дня хотя бы до 8-ми часовъ или повышеніе заработной платы. Окончательной цѣлью его остается полное освобожденіе рабочаго класса изъ подъ ярма эксплуатаціи.

Пока фабрики, земля и другія средства производства не перейдутъ въ общественную собственность всѣхъ рабочихъ, пока власть не перейдетъ въ ихъ руки, до тѣхъ поръ не перестанетъ существовать эксплуатація рабочаго класса классомъ капиталистовъ, — до тѣхъ поръ не прекратится и борьба рабочихъ съ фабрикантами.

8-ми часовой рабочій день, увеличивая у рабочихъ ихъ болѣе способными къ борьбѣ за свои права, пресвободное время, силы и умственное развитіе дѣлаетъ

вращаетъ въ страшную для капиталистовъ силу и приближаетъ ихъ быстрыми шагами къ полной побѣдѣ.

Умственно развитой рабочій, сознавшій задачи своего класса, станетъ силой, о которую разобьется теперешній общественный строй, построенный на эксплуатаціи, нищетѣ и темнотѣ трдящагося люда.

V.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Какъ русскимъ рабочимъ улучшить свое положеніе?

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, какъ русскимъ рабочимъ бороться за улучшеніе своего положенія. Какъ надо бороться съ фабрикантами и правительствомъ, чтобы одержать надъ ними побѣду?

Для этого прежде всего нужна организація рабочихъ. Организація дастъ рабочимъ незамѣнимую ничѣмъ силу, передъ которой должны уступить не только фабриканты, но и правительство. Исторія рабочаго движенія въ Англіи, Америкѣ и Германіи ясно доказала намъ это.

Приведемъ еще одинъ примѣръ: въ Августѣ 1893 г. англійскіе углепромышленники заявили своимъ углекопамъ, что они понизятъ заработную плату. Углекопы всей Англіи тотчасъ выбрали изъ своей среды представителей, которые съѣхались въ одинъ городъ и рѣшили, что, если фабраканты, дѣйствительно, уменьшатъ заработную плату — всѣ углекопы Англіи забастуютъ.

Дѣйствительно, въ началѣ Августа забастовало около 200,000 углекоповъ. Всѣ копи остановились. Рабочіе всѣхъ другихъ отраслей промышленности собирали для углекоповъ деньги, даже рабочіе другихъ странъ прислали деньги на помощь борцамъ за рабочее дѣло. Но и это не помогло бы углекопамъ. Англійскіе фабриканты стали бы ввозить уголь изъ Франціи и Бельгіи. Поэтому бельгійскіе и французскіе углекопы, чтобы поддержать своихъ англійскихъ товарищей, добровольно обрекли себя на голодъ и холодъ, на всѣ мученія стачки и забастовали. Разомъ прекратилось производство угля въ трехъ странахъ. Масса фабрикъ и заводовъ должна была остановиться, желѣзныя дороги уменьшили число поѣздовъ, и углепромышленники должны были сдаться. Рабочіе одержали побѣду, благодаря организаціи и товариществу.

Рабочіе, организованные въ партію, въ рабочіе союзы, становятся великой, непобѣдимой арміей.

Стачки представляютъ теперь самое сильное оружіе въ рукахъ рабочаго.

Бросивши работу, рабочіе наносятъ фабриканту огромныя денежныя потери [1]).

Чѣмъ дальше тянется стачка, тѣмъ больше убытковъ несетъ фабрикантъ, и вслѣдствіе этого онъ въ концѣ концевъ долженъ уступить, если не хочетъ разориться. Часто бываетъ такъ, что несутъ убытки не только тѣ фабриканты, на фабрикахъ которыхъ произошла забастовка, но и другіе.

Когда въ 1889 и 1890 годахъ въ Германіи, а въ прошломъ году въ Англіи вспыхнули громадныя стачки углекоповъ, то отъ недостатка угля и его дороговизны начала страдать вся промышленность, и многимъ капиталистамъ грозило полное разореніе. Правительства, напуганные этимъ положеніемъ дѣлъ, сами побудили владѣльцевъ копей уступить рабочимъ.

Такая-то мощь заключается въ трудѣ рабочаго.

---

[1]) Впрочемъ, стачка выгодна фабриканту, когда у него накопилось много товару, она даетъ ему возможность выгодно распродать его за высокую цѣну.

Когда онъ отказывается отъ работы, то весь общественный строй со своими богатствами и несокрушимыми правительствами начинаетъ колебаться въ своихъ основахъ.

Чтобы стачка удалась, необходимо прежде всего, чтобы среди рабочихъ было согласіе (солидарность), чтобы они всѣ братски стояли другъ за друга, чтобы ни одинъ не смѣлъ работать тогда, когда товарищи забастуютъ.

Далѣе надо, чтобы рабочіе **имѣли свои кассы**, куда каждый рабочій вносилъ бы понемногу. Во время стачки эти кассы помогаютъ рабочимъ перебиться и не гибнуть съ голода. Заграницей у рабочихъ почти на каждой фабрикѣ и на каждомъ заводѣ есть такія кассы, вотъ почему тамъ рабочіе могутъ такъ долго выдерживать стачки.

Затѣмъ надо сговориться, когда устроить стачку. Удобнѣе всего устраивать стачку тогда, когда у фабриканта много заказовъ, особенно спѣшныхъ, срочныхъ. Это самое удобное время, чтобы общей стачкой добиться у фабриканта сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы.

И такъ, мы видимъ, что ничто такъ не важно въ борьбѣ съ фабрикантами, какъ организація и взаимная солидарность рабочихъ, ихъ стойкость и мужество.

* * *

Но для того, чтобы рабочіе могли съорганизоваться и дружно дѣйствовать общими силами, необходимо имѣть возможность сговариваться, соединяться, обсуждать свое положеніе на собраніяхъ, въ газетахъ и т. д.

Мы видимъ изъ исторіи рабочаго движенія въ западной Европѣ и Америкѣ, что тамъ рабочіе собираются на собранія десятками тысячъ человѣкъ, подаютъ петиціи, подписанныя сотнями тысячъ рабочихъ, издаютъ

свои газеты, организованы въ партіи, ежегодно устраиваютъ съѣзды. Въ Россіи ничего этого теперь дѣлать нельзя. Почему? Потому что во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ есть **политическая свобода и конституціонное правленіе мѣстами со всеобщимъ избирательнымъ правомъ,** и только въ Россіи ея нѣтъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія не было политической свободы ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ Бельгіи, ни въ Италіи, однако рабочіе этихъ странъ добились политической свободы, добьются ея и русскіе рабочіе, когда поймутъ, что при самодержавіи и произволѣ правительства имъ нельзя надѣяться на улучшеніе своего положенія.

Въ чемъ же состоитъ политическая свобода?

Посмотримъ, кто издаетъ законы и управляетъ народомъ въ Россіи и кто заграницей; потомъ сравнимъ, какими правами пользуются граждане въ свободныхъ странахъ, напр. въ Швейцаріи или Франціи и подданные русскаго царя, русскіе обыватели? (По закону гражданъ въ Россіи не полагается, есть только подданные).

Въ Россіи правитъ царь и назначенные имъ министры; онъ издаетъ законы и не передъ кѣмъ не отвѣчаетъ. Царь, по своему ничѣмъ не ограниченному произволу, издаетъ приказы и законы, назначаетъ подати, постановляетъ смертные приговоры. У царя цѣлая армія солдатъ, полицмейстеровъ, губернаторовъ, исправниковъ, урядниковъ, городовыхъ и жандармовъ, готовыхъ по первому приказу царя бить, стрѣлять, сажать въ тюрьмы или ссылать въ Сибирь непокорныхъ крестьянъ или рабочихъ.

И такъ, царь правитъ въ Россіи самовластно. Весь народъ не имѣетъ никакого значенія, не имѣетъ никакихъ правъ. Царь можетъ сдѣлать съ народомъ, что хочетъ, какъ раньше помѣщикъ дѣлалъ со своими крѣпостными все, что хотѣлъ. Онъ можетъ наложить на народъ тяжелыя подати, такъ что рабочій людъ будетъ страдать отъ нихъ, разоряться, какъ разорилось отъ непосильныхъ платежей крестьянство. По царскому приказу у крестьянъ отнимаютъ за недоимки послѣднюю корову, пускаютъ по міру цѣлыя семьи.

Самодержавное правительство не знаетъ никакой отвѣтственности; — всѣ мы подданные, крѣпостные царя. Всѣ мы въ его власти и во власти его намѣстниковъ-губернаторовъ, исправниковъ, урядниковъ и т. д. Народъ уже не смѣетъ и пикнуть; ему не дано даже права высказывать, что ему тяжело. Для трудящагося люда ничего не дѣлается, съ него лишь берутъ подати, разоряютъ его, превращаютъ въ нищаго. Кто заботится о народѣ, кто заботится о его нуждадъ? Любой полицмейстеръ или исправникъ въ Россіи можетъ избить, посадить въ тюрьму, лишить чести человѣка, и останется безнаказаннымъ. Если дѣло и дойдетъ до суда, то застращаютъ свидѣтелей или подкупятъ судей, и дѣло кончится ничѣмъ. Таково самодержавіе: внизу подъ нимъ — безправный, лишенный всякой свободы народъ, надъ нимъ — стая народограбителей и угнетателей съ царемъ во главѣ, которые держатъ народъ въ потемкахъ и нищетѣ.

Посмотримъ теперь, какъ управляются страны съ конституціоннымъ правленіемъ, съ политической свободой, какъ напр. Франція и Швейцарія? Тамъ нѣтъ ни царя, ни короля. Народъ управляетъ самъ. Такія страны называются республиками. Въ этихъ странахъ существуетъ всеобщее избирательное право. Это значитъ, что разъ въ 3-4 года собираются всѣ граждане каждой волости, села, мѣстечка или города и выбираютъ изъ своей среды наиболѣе умныхъ и уважаемыхъ людей, про которыхъ знаютъ, что они умѣютъ постоять за интересы своихъ избранниковъ. Эти выборные представители съѣзжаются со всей страны въ столицу, гдѣ они образуютъ парламентъ, Земскій Соборъ. Этотъ земскій Соборъ (или законодательная палата) обсуждаетъ всѣ нужды народа, налагаетъ подати, издаетъ новые законы. Онъ же завѣдуетъ выборомъ главныхъ исполнителей закона — министровъ и верховныхъ судей страны. Конечно, рабочіе **могутъ** выбирать въ парламентъ не богачей, не помѣщиковъ, а своего брата, который будетъ стоять за нихъ и не позволитъ издать вредный для рабочихъ законъ. Мы видимъ что во французской палатѣ больше 40 выбранныхъ отъ рабочихъ, въ германскомъ парламентѣ — 44. Понятно,

что правительство должно ихъ слушать. Самъ народъ обсуждаетъ каждый законъ. Когда выборные представители видятъ, что надо издать новый законъ, то этотъ законъ сначала печатаютъ въ газетахъ, и каждый можетъ видѣть, хорошъ ли этотъ законъ, или нѣтъ. Въ самомъ парламентѣ законъ принимается только тогда, когда на него согласится большинство выборныхъ. Поэтому тамъ не можетъ быть изданъ законъ, на который не согласилось бы большинство народа. Только народъ можетъ требовать отмѣны вреднаго закона, изданія новаго.

Въ странахъ съ конституціоннымъ образомъ правленія **народъ пользуется слѣдующими политическими правами:**

1) **Свободой слова,** т. е. всякій гражданинъ можетъ публично говорить все, что считаетъ нужнымъ, вѣрнымъ, не рискуя за то быть повѣшеннымъ или сосланнымъ на каторгу, какъ это дѣлается въ Россіи.

2) **Свободой печати,** — т. е., тамъ можно писать и издавать какія угодно книги, газеты, обвинять правительство, а оно не имѣетъ права запретить эти газеты или изъять непріятныя ему книги изъ продажи. Свободное слово является могучимъ орудіемъ въ рукахъ организованныхъ рабочихъ. Путемъ печати и на многотысячныхъ собраніяхъ рабочіе выясняютъ свои нужды и способы борьбы за лучшее будущее, клеймятъ всякій шагъ правительства, направленный ко вреду народа и т. д.

3) **Свободой собраній,** — т. е. всѣ могутъ свободно собираться на площадяхъ, въ публичныхъ залахъ и другихъ мѣстахъ для обсужденія своихъ дѣлъ.

4) **Свободой союзовъ и обществъ,** — т. е. всѣ граждане имѣютъ право соединяться въ партіи, общества, въ рабочіе и заводскіе союзы, имѣть свои кассы, своихъ выборныхъ, завѣдывающихъ общими дѣлами, и полиція не имѣетъ права вмѣшиваться во все это.

5) **Свободой стачекъ,** — т. е. рабочіе имѣютъ право, когда это потребуется ихъ интересами, оставить работу, добиваться лучшихъ условій труда, и это не

считается, какъ у насъ, уголовнымъ преступленіемъ со стороны рабочихъ.

6) **Свободой совѣсти,** — т. е. всякій можетъ держаться своей вѣры и своихъ мыслей, и никто не можетъ преслѣдовать за это (какъ въ Россіи преслѣдуютъ всѣхъ соціалистовъ, сектантовъ, раскольниковъ, евреевъ, католиковъ).

Въ этихъ свободныхъ странахъ полиція не имѣетъ права ни производить обысковъ, ни арестовать кого бы то ни было безъ судебнаго постановленія. Личность и жилище тамъ неприкосновенны. У насъ же въ Россіи по первому доносу какого-нибудь сыщика, а то просто, чтобы отдѣлаться отъ смѣлаго человѣка, полиція можетъ арестовать, кого хочетъ, посадить на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму, а потомъ еще выслать по произволу, безъ всякаго суда.

Теперь намъ понятно, почему заграничные рабочіе могутъ устраивать стачки въ сотни тысячъ человѣкъ, издавать свои газеты, выбирать своихъ товарищей въ законодательныя палаты и т. д.

* * *

Какъ же русскому человѣку улучшить свое положеніе, когда онъ не можетъ ни сговариваться съ товарищами, ни соединяться въ союзы. Собираться на публичныя собранія русскіе рабочіе тоже не могутъ. Если бы они захотѣли, по примѣру западно-европейскихъ братьевъ своихъ, потребовать сокращенія рабочаго дня, то правительство, конечно, приняло бы сторону фабрикантовъ, послало бы войско и принудило бы рабочихъ, послѣ жестокой расправы, сдаться. Въ Россіи ни одна стачка не проходитъ безъ кровопролитія. Вспомнимъ стачки въ Лодзи, въ Жирардовѣ, на Морозовской мануфактурѣ, гдѣ рабочіе требовали сокращенія рабочаго дня. Противъ нихъ были посланы цѣлыя дивизіи, а варшавскій губернаторъ Гурко далъ при-

казъ, „не жалѣть патроновъ!“ Вспомнимъ стачку 1892 года на Юзовскихъ заводахъ. Солдаты и казаки, по приказанію начальства, расправлялись съ безоружными рабочими, какъ съ непріятелями. А потомъ еще нѣсколько человѣкъ было приговорено къ смертной казни. То же происходитъ при всѣхъ стачкахъ рабочихъ.

Да и не мудрено. Фабриканты всегда въ дружбѣ съ правительствомъ, а рабочихъ правительство боится. Боится оно ихъ потому, что знаетъ, что когда рабочіе соединятся и поймутъ свое положеніе, то захотятъ лучшей доли, потребуютъ политическихъ правъ. Фабриканты, дворянство почти всегда добиваются отъ правительства того, чего хотятъ.

Каждый годъ фабриканты устраиваютъ съѣзды, на которыхъ говорятъ о своихъ нуждахъ, посылаютъ правительству ходатайства, и правительство исполняетъ ихъ желанія; министры объѣзжаютъ торговые города, гдѣ капиталисты устраиваютъ имъ обѣды, говорятъ рѣчи, высказываютъ свои требованія. Наконецъ, они всегда могутъ писать въ газетахъ и такимъ образомъ добиваться выгодныхъ себѣ законовъ. Дворяне добились дворянскаго банка, который выдалъ имъ больше 800 милліоновъ рублей, добились они и земскихъ начальниковъ, чтобы еще крѣпче держать крестьянъ въ эксплуатаціи и темнотѣ. Фабриканты тоже добились себѣ разныхъ банковъ, постройки выгодныхъ имъ желѣзныхъ дорогъ, таможенныхъ пошлинъ, чтобы дороже продавать свой товаръ. А пусть потребуютъ рабочіе чего-нибудь! Правительство немедленно объявитъ ихъ бунтовщиками и засадитъ въ тюрьму. Какъ оно расправляется съ забастовавшими рабочими, мы уже видѣли. Посмотримъ, какъ оно относится къ другимъ слоямъ рабочаго люда. Когда въ 1889 году московскіе прикащики подали въ думу прошеніе объ отмѣнѣ торговли въ воскресные дни, то Московская дума сначала согласилась на ихъ требованіе. Торговля по воскресеніямъ была запрещена. Но не долго отдыхали прикащики. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ купцамъ и фабрикантамъ это запрещеніе показалось невыгоднымъ, и законъ былъ отмѣненъ. Оно и понятно. Развѣ бѣдные люди, рабочіе, ремесленники, прикащики, служащіе

могутъ выбирать гласныхъ въ Думу? — Нѣтъ, туда выбираютъ только богатые, имѣющіе дома и торговыя заведенія. Они то и вершатъ городскія дѣла въ свою пользу и, конечно, во вредъ безправной городской бѣднотѣ.

Во всѣхъ почти городахъ Россіи есть ремесленныя управы. Управы эти завѣдываютъ очень важными для ремесленниковъ дѣлами: рѣшаютъ споры между подмастерьями и хозяевами и т. д. Но кто опять таки заправляетъ всѣми дѣлами въ Управахъ? Богатые мастера и хозяева, а они, конечно, заботятся только о своей выгодѣ, а не о выгодѣ бѣдныхъ ремесленниковъ, которыхъ они эксплуатируютъ и на счетъ которыхъ богатѣютъ. И такъ мы видимъ, что рабочимъ въ Россіи закрыты всѣ пути улучшенія своей участи: они не имѣютъ никакого вліянія на изданіе законовъ, не могутъ даже ходатайствовать передъ правительствомъ объ улучшеніи своей доли, у нихъ нѣтъ своихъ людей ни въ думахъ, ни въ Управахъ, писать въ газетахъ о тяжеломъ положеніи рабочаго люда не позволяетъ цензура. Имъ остается одно — добиваться низверженія главнаго своего врага — самодержавія и бороться за политическую свободу съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Только тогда они будутъ въ состояніи поддерживать сношенія другъ съ другомъ, соединяться въ союзы и партіи. Только тогда правительство будетъ прислушиваться къ голосу рабочихъ и издавать законы въ ихъ защиту. Хотя съ 1886 года въ Россіи также существуетъ фабричное законодательство, но существуетъ только на бумагѣ. Въ дѣйствительности за исполненіемъ его некому смотрѣть — на всю Россію съ Польшей всего восемь фабричныхъ инспекторовъ. Они, конечно, не въ состояніи усмотрѣть за всѣми фабриками и заводами. Штрафы за нарушеніе закона очень незначительны и фабрикантъ ихъ не боится, — ему выгоднѣе заплатить штрафъ, чѣмъ исполнить законъ. Рабочіе только тогда добьются хорошаго фабричнаго законодательства, когда они сами начнутъ съ большей настойчивостью бороться за него. Даже русское самодержавное правительство боится рабочихъ. Армія рабочихъ не кучка студентовъ, которыхъ легко

переловить и засадить въ тюрьмы. Насколько самодержавное правительство боится рабочихъ, показываетъ наглядно стачка на Хлудовской мануфактурѣ въ Егорьевскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Рабочіе устроили тамъ стачку, такъ какъ директоръ завода не давалъ имъ покою штрафами, вычетами и т. д. Когда требованія рабочихъ, чтобы директоръ былъ уволенъ, а штрафы отмѣнены, не были исполнены, они разбили машины, переломали станки и т. д., чѣмъ нанесли Хлудову убытокъ въ 300,000 рублей. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой стачки правительство распространило на Егорьевскій уѣздъ фабричное законодательство. Но рабочихъ не обманешь этимъ бумажнымъ закономъ. Русскіе рабочіе поймутъ, что только тогда они будутъ въ состояніи обсуждать свои нужды въ газетахъ и на собраніяхъ, когда добьются политической свободы и всеобщаго избирательнаго права. Тогда они получатъ возможность выбирать изъ своей среды людей, которые смѣло будутъ защищать интересы рабочихъ въ Законодательной Палатѣ, какъ этого въ настоящее время добились нѣмецкіе, бельгійскіе, французскіе и другіе рабочіе въ Западной Европѣ. Только тогда нельзя будетъ сажать въ тюрьму за всякое свободное слово, за стачку. Тогда правительство будетъ болѣе внимательно къ нуждамъ и требованіямъ рабочихъ, такъ какъ послѣдніе будутъ сознательной силой, а не темной, покорной массой, которая не знаетъ даже, отчего ей худо. Русскому рабочему нечего бояться борьбы. Рабочимъ всѣхъ странъ пришлось низвергнуть самодержавіе, — низвергнетъ его и русскій рабочій, несмотря на то, что у царя много шпіоновъ, жандармовъ и солдатъ. Русскіе рабочіе должны теперь соединяться въ тайные кружки, чтобы просвѣщать своихъ товарищей, которые еще не понимаютъ, чего имъ добиваться. Эти кружки должны при каждомъ удобномъ случаѣ объяснять рабочимъ, что они должны бороться съ гнетомъ и произволомъ самовластнаго правительства и съ эксплуатаціей класса капиталистовъ. Съ каждымъ днемъ будетъ рости число сознательныхъ рабочихъ, все больше будетъ среди нихъ недовольныхъ правительствомъ, шагъ за шагомъ будетъ рости ихъ

сила, пока не наступитъ часъ паденія самодержавія. Учащаяся молодежь уже давно начала въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей борьбу съ правительствомъ, но силъ ея одной слишкомъ недостаточно, чтобы справиться съ нимъ. Только когда рабочіе возьмутъ протянутую имъ студентами-соціалистами руку, они будутъ силой. Вмѣстѣ съ русскимъ рабочимъ классомъ борется и польскій рабочій. Лѣтъ десять тому назадъ среди польскихъ рабочихъ почти не было никакого движенія, а теперь польскій рабочій классъ далеко опередилъ русскихъ рабочихъ. У нихъ есть своя тайная организація, своя тайная газета, они празднуютъ ежегодно 1-го Мая, стачки у нихъ не прекращаются, на фабрихахъ и заводахъ есть кружки и тайныя кассы для помощи на случай стачки. Многихъ рабочихъ-соціалистовъ правительство ежегодно сажаетъ по тюрьмамъ и ссылкамъ, а тѣмъ не менѣе рабочее движеніе растетъ и растетъ, хотя фабрики и переполнены сыщиками. Въ этомъ году въ Лодзи сами фабриканты, боясь стачки въ день 1-го Мая, уменьшили рабочій день съ 11 до 9 часовъ.

Въ Россіи существовали тайныя организиціи рабочихъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ. Такъ въ 1879 году въ Петербургѣ существовалъ „Сѣверно-русскій рабочій союзъ“, въ которомъ было болѣе 300 человѣкъ. Онъ издавалъ свою тайную газету, поддерживалъ рабочихъ деньгами во время стачекъ, велъ пропаганду среди товарищей и т. д. Потомъ этотъ союзъ былъ уничтоженъ правительствомъ, и много славныхъ борцовъ за интересы рабочихъ были сосланы на каторгу, посажены въ тюрьмы. Но на мѣсто его почти во всѣхъ русскихъ городахъ растутъ новые тайные кружки рабочихъ. Когда эти кружки образуютъ одинъ союзъ, то они будутъ силой, передъ которой правительство должно трепетать. Спокойная, покорная и терпѣливая рабочая масса заколыхается, просвѣщенная и подготовленная къ бою своими болѣе понимающими товарищами. Несмотря на всѣ преслѣдованія, русскіе рабочіе продолжаютъ пробуждаться и организоваться. За послѣдніе три года въ Петербургѣ, Вильнѣ, Ростовѣ 1-го Мая бываютъ тайныя собранія, гдѣ рабочіе говорятъ рѣчи

о томъ, что имъ надо дѣлать, чтобы добиться лучшей доли, укрѣпляютъ своихъ товарищей въ борьбѣ. Словами [1]) одного изъ петербургскихъ рабочихъ, сказанными имъ на тайномъ собраніи 1-го Мая 1891 года, мы и закончимъ свою книжечку: „Товарищи! трудно будетъ намъ на первыхъ порахъ вступить въ борьбу съ нашими врагами за наши экономическія и политическія права, но вспомнимъ, что еще въ настоящую минуту тысячи интеллигентовъ сидятъ за насъ въ Сибири, въ тюрьмахъ, на каторгѣ! Вспомнимъ, что не легко досталось улучшить свое положеніе нашимъ братьямъ, западнымъ рабочимъ, такъ стало быть и намъ не легко будетъ улучшить свое подъ разгуломъ деспотической реакціи, которая будетъ преслѣдовать насъ на каждомъ шагу. Товарищи! трудно намъ будетъ, но наука освободила западныхъ рабочихъ, она поможетъ и намъ просвѣтить умы наши, да и наполнить души наши святой истиной любви другъ къ другу! Будемъ, друзья, бороться за истину, не отступимъ шага назадъ до самой своей смертной агоніи, за правду, за равенство, братство, свободу! Будемте учиться, объединяться, сами и товарищи, будемте организоваться въ сильную партію! Будемте, братья, сѣять это великое сѣмя съ восхода и до захода солнца во всѣхъ уголкахъ нашей русской земли!

[1]) См. книжечку Рабочей библіотеки: Четыре рѣчи рабочихъ, произнесенныя на тайномъ собраніи въ Петербургѣ въ 1891 году.

КОНЕЦЪ.